

СОВРЕМЕННЫЕ
РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

Толстой — Тургеневъ — Достоевскій

СОЧИНЕНІЕ

Мельхіора де-Вогюэ

Издание В. Н. Сваракуева

Типографія В. О. Рихтеръ, Тверская, домъ Мартынова
Москва - 1887

СОВРЕМЕННЫЕ
РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

Толстой—Тургеневъ—Достоевскій

СОЧИНЕНІЕ

Мельхіора де-Вогюэ

Издание В. Н. Сваракуева

Типографія В. О. Рихтеръ, Тверская, домъ Мартынова
Москва - 1887

ДОСТОЕВСКІЙ.

Религія страданія. Достоевскій.

Предъ нами скиѣъ, истый скиѣъ, который перевернетъ всѣ наши умственные привычки. Вмѣстѣ съ нимъ мы возвращаемся въ сердце Москвы, въ этотъ чудовищный соборъ Василія Блаженнаго, выкроенный и размалеванный, какъ китайская пагода, построенный татарскими архитекторами и, однако, служащій жилищемъ христіанскому Богу.

Вышедшіе изъ одной и той-же школы, увлеченные однимъ и тѣмъ-же умственнымъ движеніемъ, выступившіе вмѣстѣ въ одинъ и тотъ-же годъ, Тургеневъ и Достоевскій представляютъ весьма рѣдкіе контрасты; они имѣютъ только одну сходную черту, неизгладимый знакъ „сороковыхъ годовъ“—любовь къ человѣчеству. У Достоевскаго такая любовь вылилась въ отчаянную жалость къ униженнымъ, и жалость эта дала ему господство надъ народомъ, который увѣровалъ въ него.

Существуетъ таинственная связь между всѣми формами искусства, родившимися одновременно. Наклонность, которая привела русскихъ писателей къ изученію дѣйствительной жизни и влеченіе, обращавшее—приблизительно въ ту же эпоху—нашихъ великихъ французскихъ пейзажистовъ къ наблюденію природы, вытекаютъ, кажется, изъ одного и того-же чувства. Коро, Руссо, Милье могутъ дать намъ довольно точное понятіе объ общемъ направленіи и личныхъ оттѣнкахъ трехъ разбираемыхъ нами талантовъ. По предпочтенію, которое оказываютъ одному изъ вышеупомянутыхъ живописцевъ, можно заранѣе предугадать, къ какому изъ этихъ романистовъ будутъ чувствовать большее влеченіе. Мнѣ

не хотѣлось бы навязывать сравненія, но оно пока единственное средство помочь уму поскорѣе разобраться въ неизвѣстномъ: Тургеневъ обладаетъ граціей и поэзіей Коро, Толстой—величавой простотой Руссо, Достоевскій—трагической суровостью Миллье.

Во Франціи, наконецъ, стали переводить его романы и—что меня удивляетъ болѣе—ихъ, кажется читаютъ съ удовольствіемъ. Мнѣ становится поэтому удобнѣе говорить о нихъ. Мнѣ не повѣрили-бы, если бы я пытался показать эту странную фигуру, прежде чѣмъ можно было повѣрить ея сходство по книгамъ, гдѣ оно отражается. Но трудно также понять эти книги, если не знать жизнь того, кто ихъ создалъ, я хотѣлъ сказать, кто ихъ выстрадалъ, но это все ровно: первое слово всегда заключаетъ въ себѣ и второе.

Вступая въ произведенія и жизнь этого человѣка, я приглашаю читателя на прогулку, всегда печальную, часто ужасную, иногда похоронную. Пусть откажутся отъ нея тѣ, кому противно посѣщать больницы, залы суда, тюрьмы, кто боится ночью проходить черезъ кладбища. Я былъ бы неправдивымъ проводникомъ, если бы старался представить веселой дорогу, которую судьба и характеръ сдѣлали однообразно угрюмой.

Я вѣрю, что нѣкоторые пойдутъ со мной даже предвидя утомленія, пойдутъ тѣ, кто думаетъ, что на французскомъ умѣ лежитъ наслѣдственный долгъ, долгъ все знать о мірѣ, чтобы сохранить за собой честь руководить міромъ. А Россія за послѣднія 20 лѣтъ есть необъяснимая загадка, если не знаешь произведеній, которыя оставили по себѣ въ этой странѣ самый глубокій отпечатокъ и самыя сильныя душевныя потрясенія.

Разсмотримъ же эти столь важныя по своему значенію книги и прежде всего—самую драматическую изъ всѣхъ,—жизнь человѣка, создавшаго ихъ.

Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

I.

Онъ родился въ Москвѣ, въ больницѣ для бѣдныхъ. Неумолимая судьба рѣшила, чтобы глаза его открылись на зрѣлище, отъ котораго имъ суждено было не отвращаться болѣе — на самыя отравленныя формы несчастія. Отецъ его, отставной военный врачъ, состоялъ на службѣ въ этомъ учрежденіи. Семейство его принадлежало къ мелкопомѣстному дворянству, изъ котораго набирается армія мелкаго чиновничества; какъ и у всѣхъ подобныхъ имъ, у нихъ было маленькое имѣніе въ нѣскольکو душъ въ Тульской губерніи. Ребенка возили иногда въ деревню и первыя впечатлѣнія деревенской жизни изрѣдка и не надолго появлялись тамъ и сямъ въ его сочиненіяхъ. Въ противоположность другимъ русскимъ писателямъ, влюбленнымъ въ природу и постоянно возвращающимся къ картинамъ, среди которыхъ они выросли, Достоевскій даритъ эту природу лишь очень разсѣяннымъ взглядомъ. Какъ психологъ, онъ всецѣло увлеченъ изученіемъ челоуѣческой души, его любимыми картинами будутъ предмѣстья большихъ городовъ, нищенскія улицы. Въ воспоминаніяхъ дѣтства, отъ которыхъ талантъ заимствуетъ свою личную окраску, вы ни почувствуете вліянія мирныхъ лѣсовъ и яснаго неба. Когда воображеніе писателя получаетъ потребность возвратиться къ своему источнику, передъ нимъ возникаетъ больничныи садъ, болѣзненные призраки въ форменныхъ рыжихъ халатахъ и бѣлыхъ колпакахъ, тихія игры среди „униженныхъ“ и „оскорбленныхъ“.

Дѣтей у доктора было много, жизнь была нелегка. Помѣстивъ дѣтей, на первые годы ученья, въ одинъ изъ Московскихъ пансіоновъ, отецъ впоследствии успѣлъ перевести двухъ старшихъ, Алексѣя и Федора, въ военную инженерную школу въ Петербургѣ. Горячая дружба, скрѣпленная общою склонностью къ литературѣ, всегда связывала двухъ братьевъ; они служили постоянно опорой другъ для друга въ тяжелыхъ потрясеніяхъ, поразившихъ ихъ обоихъ. Письма, адресованныя къ Алексѣю, занимаютъ лучшее мѣсто въ томъ „Переписки“, которая даетъ намъ матеріалъ для изученія внутренней жизни Федора Михайловича. Братья чувствовали себя вовсе не на мѣстѣ въ этой инженерной школѣ, замѣнявшей для нихъ университетъ. Достоевскому не доставало классическаго образованія — оно дало бы ему наружную отдѣлку и равновѣсіе, приобретаемые раннимъ знакомствомъ съ литературой. Достоевскій, такъ или иначе, пополнялъ этотъ недостатокъ чтеніемъ Пушкина, Гоголя и французскихъ романовъ: Бальзака, Евгенія Сю, Жоржъ Сандъ, которыя, какъ кажется, оставили значительный слѣдъ въ его воображеніи. Но Гоголь оставался любимымъ его писателемъ: „Мертвыя Души“ открывали передъ нимъ тотъ міръ смиренныхъ, къ которому онъ чувствовалъ влеченіе. Вышедши изъ школы въ 1843 году съ чиномъ подпоручика, Достоевскій не долго носилъ инженерные жгуты; черезъ годъ онъ уже вышелъ въ отставку, съ цѣлью посвятить себя исключительно литературнымъ занятіямъ.

Съ этого дня начинается ожесточенная борьба писателя съ нищетою, не прекращавшаяся въ теченіи послѣдующихъ сорока лѣтъ. Отецъ его умеръ, маленькое состояніе, раздѣленное между дѣтьми, быстро исчезло. Молодой Федоръ Михайловичъ начинаетъ заниматься переводами, хлопотать по редакціямъ и издателямъ. Переписка его, напоминающая письма Бальзака, въ про-

долженіе сорока лѣтъ представляетъ собою одинъ томительный стонъ, пересчитываніе долговъ, которыя онъ тащитъ за собою, жалобы на ремесло „извощичьей клячи“, заподряженной издателями. Только въ теченіи годовъ, проведенныхъ на каторгѣ имѣлъ онъ обеспеченный кусокъ хлѣба. Легко перенося матеріальныя лишенія, Достоевскій чувствовалъ себя безсильнымъ относительно нравственныхъ униженій связанныхъ съ нуждою. Болѣзненная гордость, лежавшая въ глубинѣ его характера, жестоко страдала при всякой случайности, выдававшей его бѣдность. Открытая рана видится въ его письмахъ, она чувствуется въ герояхъ его романовъ, послужившихъ нагляднымъ воплощеніемъ души его; всѣ они мучатся пугливою и недовѣрчивою стыдливостью. На ряду съ этимъ онъ былъ уже боленъ, нервы были расшатаны, появлялись даже галлюцинаціи, и онъ воображалъ, что ему угрожаютъ всевозможныя бѣды. Иногда ложась спать, онъ оставлялъ на письменномъ столѣ записки такого содержанія: „Быть можетъ этою ночью я засну летаргическимъ сномъ, поэтому остерегитесь хоронить меня раньше извѣстнаго времени...“

Но странный недугъ—падучая болѣзнь, приступы которой давали себя чувствовать, не была уже галлюцинаціей. Предполагали, что болѣзнь эта появилась у него позднѣе, въ Сибири; но одинъ изъ друзей его молодости подтверждалъ мнѣ, что Федоръ Михайловичъ еще до ссылки падалъ иногда на улицѣ съ пѣною у рта.

Да, вотъ каковъ былъ онъ, когда мы узнали его на закатѣ его жизни: это была хрупкая и живучая связка раздраженныхъ нервовъ, душа женщины въ оболочкѣ русскаго мужика, онъ былъ дикъ, сосредоточенъ, его осаждали видѣнія; но при этомъ волны безграничной нѣжности заливали его сердце, когда онъ устремлялъ взоръ на низшія области. Одна только работа утѣшала и оживляла его. Въ своихъ письмахъ онъ со вспышками на-

ивнаго восторга рассказываетъ планы будущихъ романовъ и въ послѣдствіи, вспоминая именно эти то первыя упоенія, онъ и заставляетъ говорить одно изъ лицъ, извлеченныхъ имъ изъ самого себя, романиста, выведеннаго въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“.

„Если я былъ когда счастливъ, то это даже и не во время первыхъ упоительныхъ минутъ моего успѣха, а тогда, когда я еще не читалъ и не показывалъ никому моей рукописи: въ тѣ долгія ночи, среди восторженныхъ надеждъ и мечтаній и страстной любви къ труду; когда сжился съ моей фантазіей, съ лицами, которыхъ самъ создалъ, какъ съ родными какъ будто съ дѣйствительно существующими; любилъ ихъ, радовался и печалился съ ними, а подъчасъ даже и плакалъ самыми искренними слезами надъ незатѣйливымъ горемъ моимъ“.

Это ясно видно въ „Бѣдныхъ людяхъ“, первомъ его произведеніи, представляющемъ зародышъ всѣхъ остальныхъ. Достоевскій написалъ его, когда ему было двадцать три года. При концѣ жизни, въ „Дневникѣ Писателя“ онъ рассказалъ прекрасную исторію своего дебюта. Бѣдный молодой инженеръ не былъ знакомъ ни съ одной душой въ литературномъ мірѣ и не зналъ, что ему дѣлать съ своей рукописью. Одинъ изъ его товарищей, г. Григоровичъ, занимающій теперь уважаемое мѣсто въ литературѣ,—который подтвердилъ мнѣ этотъ анекдотъ,—отнесъ рукопись къ Некрасову—великому поэту обездоленныхъ. Въ три часа утра Достоевскій услыхалъ стукъ въ свою дверь—это возвратился Григоровичъ, приведя съ собою и Некрасова. Поэтъ съ заразительнымъ волненіемъ бросился въ объятія незнакомца; онъ провелъ за чтеніемъ романа всю ночь и былъ потрясенъ до глубины души. Некрасовъ самъ жилъ той недовѣрчивой и прячущейся жизнью, которая была удѣломъ почти всѣхъ русскихъ писателей того времени. Эти замкнутыя сердца, привлеченныя другъ къ другу неудержимымъ порывомъ,

раскрылись при первомъ столкновѣніи со всею горячностью ихъ возраста. Разсвѣтъ засталъ трехъ энтузіастовъ среди восторженныхъ изліяній. Некрасовъ, прямо отъ Достоевскаго, отправился къ Бѣлинскому, тогдашнему оракулу русской мысли, критику, одно имя котораго ужасало начинающихъ.

„Народился новый Гоголь!“ вскричалъ поэтъ, входя къ своему другу.

„Гоголи нынче растутъ каждый день какъ грибы“, отвѣчалъ критикъ нахмурившись, и принявъ рукопись какъ взялъ бы отравленный кусокъ хлѣба. Извѣстно, что великіе критики вездѣ берутъ рукописи такимъ образомъ. Но и на Бѣлинскаго чтеніе рукописи также повліяло какъ бы волшебствомъ. Когда авторъ, весь дрожа отъ волненія, появился передъ своимъ судьей, тотъ, какъ бы внѣ себя, рѣзко обращался къ нему: „Понимаете ли вы, молодой человѣкъ, всю правду того, что вы написали? Нѣтъ, въ двадцать лѣтъ вы не можете понимать. Это вдохновеніе искусства, это даръ свыше. Уважайте этотъ даръ и вы будете великимъ писателемъ“. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя „Бѣдные люди“ появились въ ежемѣсячномъ изданіи и Россія подтвердила приговоръ своего критика.

Удивленіе Бѣлинскаго оправдывается вполне. Отказываешься вѣрить, чтобы въ двадцатилѣтней душѣ могла зародиться такая простая и раздирающая сердце трагедія. Въ этомъ возрастѣ угадываютъ счастье, — знаніе юности, для котораго не нужно учителей, — правда, знаніе это ускользаетъ какъ только стараются приложить его и тогда изобрѣтаютъ героическія, бросающіяся въ глаза страданія изъ разряда тѣхъ, для которыхъ находится утѣшеніе въ самой ихъ величавости и трескотнѣ. Но глухое, ничѣмъ не выдающееся страданіе паденія, страданіе стыдящееся самого себя и скрываемое какъ тайная рана, гдѣ преждевременно узналъ его этотъ несчастный геній?

„Бѣдные люди“ — очень обыкновенная исторія, рассказанная въ перепискѣ двухъ лицъ. Мелкій канцелярскій чиновникъ, истощенный годами и заботами, приближается къ склону своей печальной жизни въ борьбѣ съ нуждою и муками оскорбленнаго самолюбія. Еще немного и этотъ невѣжественный и наивный чиновникъ, съ своимъ пошлымъ разговоромъ, посредственной мыслью, служащій чуть не шуткомъ для своихъ соотарищей и полагающій все свое честолюбіе въ красивой перепискѣ бумагъ—сдѣлался бы только смѣшнымъ. Но подъ этой устарѣвшей и забавной оболочкой сохранилось такое чистое, такое преданное,—я чуть было не сказалъ столь свято, тупоумное въ своемъ высококомъ самоотверженіи, сердце ребенка. Типъ этотъ—любимый типъ русскихъ наблюдателей, онъ совмѣщаетъ въ себѣ все, что есть лучшаго въ духѣ ихъ народа: такова Лукерья въ „Живыхъ Мощахъ“ Тургенева, таковъ Каратаевъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ Толстаго. Но то были простые крестьяне. Дѣвушкины изъ „Бѣдныхъ людей“ стоитъ нѣсколькими ступенями выше ихъ на умственной и общественной лѣстницѣ. Въ этой жизни, томной и холодной какъ русская декабрьская ночь, свѣтитъ одинъ ясный лучъ, одна радость. Напротивъ каморки, гдѣ чиновникъ переписываетъ свои бумаги, живетъ молодая дѣвушка, дальняя его родственница. Она также убита судьбой и не имѣетъ въ мірѣ другой опоры, кромѣ ничтожнаго покровительства своего друга. Удаленные отъ міра, полуподавленные грубыми столкновениями съ людьми и дѣйствительностью, два несчастныхъ существа поддерживаютъ одинъ другаго, любятъ другъ друга и помогаютъ одинъ другому—не умереть. Въ эту взаимную привязанность мужчина вноситъ молчаливое самоотверженіе, деликатность тѣмъ болѣе привлекательную, чѣмъ болѣе она противорѣчитъ обычной неловкости его мысли и дѣйствія. Какъ будто видишь стыдливый цвѣтокъ, вы-

росшій на бесплодной землѣ, среди терновника, — только аромать выдаетъ его присутствіе. Для того, чтобы облегчить и даже приукрасить жизнь подруги, Дѣвушкинъ налагаетъ на себя героическія лишенія, они тщательно скрываются, ихъ можно угадать только въ нѣкоторыхъ нечаянно проскользающихъ неосторожныхъ выраженіяхъ, онъ вѣдь считаетъ свои поступки столь естественными. Онъ выражаетъ поочередно чувство отца, брата, доброй старой собаки; самъ Дѣвушкинъ охотно охарактеризовалъ бы ихъ такъ. если бы ему пришло въ голову провѣрить себя. Мы однако хорошо знаемъ настоящее названіе его чувства; но сказать ему этого нельзя, онъ умеръ бы со стыда при одномъ звукѣ настоящаго слова.

Характеръ женщины очерченъ съ удивительнымъ мастерствомъ. Она стоитъ гораздо выше своего друга по уму и воспитанію, и руководитъ его во всемъ, что касается умственнаго развитія, въ которомъ все для него ново. Она нѣжна и слаба, сердце ея менѣе надежно, не такъ безропотно. Она не совсѣмъ еще отказалась отъ жизни. Безпрестанно возставая противъ лишеній, которыя выноситъ Дѣвушкинъ, прося его не заботиться болѣе о ней, она иногда вдругъ испускаетъ вопль противъ бѣдности, или выражаетъ какое нибудь дѣтское желаніе, потребность въ тряпкѣ. Сосѣди, чтобы не подавать повода къ сплетнямъ, могутъ видаться только черезъ долгіе промежутки времени и поэтому между ними установилась почти ежедневная переписка. Изъ этихъ то писемъ мы и узнаемъ ихъ прошедшее, ихъ мрачную исторію, мелкія происшествія ежедневной жизни и разочарованій. Въ этихъ письмахъ рассказывается и объ ужасѣ молодой дѣвушки, преслѣдуемой бдительнымъ порокомъ, объ отчаяніи чиновника въ погонѣ за кускомъ насущнаго хлѣба, напрасно старающагося сохранить обрывки собственного достоинства отъ безчеловѣчныхъ рукъ, раздирающихъ его. Наступаетъ наконецъ раз-

вязка. Дѣвушкинъ теряетъ свою единственную радость. Вы безъ сомнѣнія думаете, что новая молодая любовь замѣнила братскую привязанность въ сердцѣ дѣвушки,— о! нѣтъ, дѣло разрѣшилось проще, болѣе по человѣчески, гораздо печальнѣе. Одинъ господинъ, интересовавшійся прежде этой дѣвушкой и бывший одною изъ главныхъ причинъ ея настоящихъ затрудненій, предлагаетъ ей свою руку. Онъ уже не молодецъ, очень богатъ и нѣсколько подозрительнаго поведенія, но все-таки предложеніе его почетно. Уставъ бороться противъ судьбы, увѣренная быть можетъ въ томъ, что такимъ поступкомъ она даже облегчитъ затруднительное положеніе, въ которомъ находится ея другъ, несчастная принимаетъ это предложеніе. Здѣсь обрисовка характера достигаетъ до поразительной правдивости. Невѣста, перейдя отъ нужды къ роскоши, чувствуетъ минутное опьяненіе въ новой атмосферѣ: наряды, драгоценности, наконецъ то! Съ наивною жестокостію она наполняетъ послѣднія письма подробностями объ этихъ важныхъ предметахъ, она по привычкѣ поручаетъ своему доброму Дѣвушкину, дѣлававшему для нея прежде всѣ покупки, сходить къ модисткѣ, къ ювелиру... Слѣдуетъ ли сказать, что это презрѣнная душа, недостойная превосходнаго чувства, внушеннаго ею? Могу васъ увѣрить, что въ читателѣ ни на минуту не зарождается подобнаго впечатлѣнія: настолько писатель умѣлъ сохранить вѣрный тонъ. Нѣтъ, здѣсь чувствуется немного молодости и человѣчности всплывшей на поверхность въ этой разбитой душѣ; развѣ можно негодовать за это? А затѣмъ такая жестокость объясняется недоразумѣніемъ въ отношеніяхъ двухъ лицъ. Для нея это только дружба, которая останется навсегда такою же вѣрною, такою же признательною, хотя, быть можетъ, менѣе близкою. Какъ можетъ она понять, что для него ея бракъ—причина отчаянія, такъ какъ одно изъ условій свадьбы составляетъ немедленный

отъѣздъ въ одну изъ отдаленныхъ провинцій. Дѣвушка, до послѣдней минуты отвѣчаетъ на письма съ мелочными подробностями относительно исполненныхъ порученій, онъ дѣлаетъ громадныя усилія разобраться въ кружевахъ и лентахъ, и развѣ только подавленное содраганіе выдаетъ тамъ и сямъ ужасъ, наполняющій его при мысли о близкой разлукѣ. Только въ послѣднемъ письмѣ изливается растерзанное сердце, несчастный человѣкъ видитъ передъ собою остающуюся ему жизнь, ея одиночество и ужасающую пустоту; онъ самъ не помнитъ, что пишетъ, но тѣмъ не менѣе жалобы его сдержанны, онъ, кажется, еще самъ не угадываетъ всего размѣра своей скорби. Драма заканчивается этимъ стономъ, звенящимъ въ одиночествѣ, позади поѣзда, разлучившаго „бѣдныхъ людей“.

Уже въ этомъ произведеніи замѣчаются нѣкоторыя длинноты, но недостатокъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ сдѣлается впоследствии. Нѣкоторыя картины схвачены съ полной жизненностью, съ трагической силой. Молодая дѣвушка рассказываетъ о смерти студента, сосѣда ея по квартирѣ, и объ отчаяніи его отца, простого, необразованнаго старика, который жилъ въ боязливомъ преклоненіи передъ знаніями такого ученаго сына.

„Похоронами распорядилась сама Анна Федоровна. Купили гробъ простой-простой и наняли ломового извозчика. Въ обезпеченіе издержекъ Анна Федоровна захватила всѣ книги и всѣ вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнял у нея книгъ, сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, куда могъ, носился съ ними всѣ три дня, и даже не расстался съ ними и тогда, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какой-то странной заботливостью все хлопоталъ около гроба; то управлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно, что

мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна Федоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Федоровна совсѣмъ было ужъ собралась, да поссорилась съ старикомъ Покровскимъ и осталась. Была только одна я, да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ—словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви. Наконецъ гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извозчикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ; плачь его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ; изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая старуха. Телѣга повернула наконецъ за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ“.

Я хотѣлъ бы привести другіе отрывки, но я колеблюсь и не знаю, что цитировать. Это самая лучшая похвала какую только можно сказать о романѣ. Построеніе его настолько прочно, матеріалы такъ просты и такъ приспособлены къ впечатлѣнію производимому цѣлымъ, что вырванный кусокъ теряетъ всякую стоимость. Онъ значилъ бы не болѣе чѣмъ обломокъ камня, отбитый отъ греческаго храма, гдѣ вся красота заклю-

чается въ общихъ линіяхъ. Черта эта одинакова у всѣхъ великихъ русскихъ романистовъ. Страницы въ ихъ книгахъ накаплиются безъ шума, падаютъ медленными и протачивающими каплями воды, но вдругъ, неожиданно, не замѣчая прилива, очутишься среди глубокаго озера, затопленнаго все поднимающимися и поднимающимися волнами грустнаго чувства. Другое, общее имъ свойство, которымъ замѣчательнѣе Тургеневъ, но Достоевскій, быть можетъ, превзошелъ его—это умѣнье одною строчкою, однимъ словомъ, возбуждать безконечныя отголоски, цѣлыя ряды мыслей и чувствъ. Уже въ „Бѣдныхъ людяхъ“ это умѣнье выразилось въ полной мѣрѣ. Слова, которыя вы читаете на бумагѣ, кажутся написанными не въ длину, а въ глубину: они влекутъ за собою глухіе отзвуки, теряющіеся въ неизвѣстной дали. Они, какъ клавиши органа, эти узкія косточки, откуда, кажется, выходитъ звукъ, но которыя связаны невидимыми проводниками съ глубиною инструмента, вмѣстилищемъ гармоніи, гдѣ раздаются громовыя раскаты. Когда перевернута послѣдняя страница, двухъ выведенныхъ лицъ знаешь такъ, какъ будто цѣлыя годы прожилъ съ ними. Авторъ не рассказалъ намъ и тысячной доли того, что мы узнали о нихъ, а однако мы знаемъ ихъ точнымъ знаніемъ,— настолько указанія его раскрыли намъ ихъ жизнь. Прошу прощенія у нашей школы, требующей точности и отчетливости, но, заявляю рѣшительно, писатель наиболѣе могущественъ именно тѣмъ, чего онъ не сказалъ; мы благодарны ему за то, что онъ даетъ намъ угадывать.

Этотъ романъ — скорбная книга, она могла бы взять вмѣсто эпиграфа строки, написанныя Дѣвушкинымъ объ одномъ изъ товарищей его по несчастію, пораженномъ новымъ ударомъ: „слезы текутъ у него, да можетъ быть и не отъ горести, а такъ, по привычкѣ, глаза гноятся“. Эта книга, исполненная любви—она вылилась изъ сердца

однимъ порывомъ. Достоевскій высказался въ ней весь съ своей болѣзненной чувственностью, потребностью соболѣзнованія и преданности, онъ выразилъ въ ней свойственное ему горькое воззрѣнiе на жизнь, постоянно болящую и нелюдимую гордость. Какъ въ сочиненной перепискѣ Дѣвушкина, такъ и въ его собственныхъ письмахъ, относящихся къ тому времени, говорится о несказанныхъ страданiяхъ, которыя заставлялъ его испытывать „постыдный сюртукъ“. Для того, чтобы раздѣлить удивленiе Некрасова и Бѣлинскаго, чтобы понять всю самобытность творенiя, нужно возвратиться къ тому литературному моменту, когда оно появилось. „Записки охотника“ были напечатаны лишь спустя пять лѣтъ послѣ того. Правда, повѣсть Гоголя, подъ заглавiемъ: „Шинель“, дала уже тему. Русскiе писатели справедливо говорятъ, что всѣ они „вышли изъ „Шинели“ Гоголя, но Достоевскій иронiю своего учителя замѣнилъ невольно вызываемымъ волненiемъ. По той же дорогѣ онъ и продолжалъ идти, въ другихъ, менѣе замѣтныхъ произведенiяхъ. Его безпокойный талантъ искалъ выхода въ различныхъ направленiяхъ и выступилъ даже въ смѣхотворную область въ фарсѣ, озаглавленномъ „Чужая жена и мужъ подъ кроватью“. Шутливость здѣсь тяжела и груба — нашему романисту недоставало хорошаго настроенiя духа. Онъ обладалъ психологическою тонкостью сердца, и ничего не понималъ въ тонкой улыбкѣ ума. Судьба, съ суровостью, какую вноситъ она иногда въ свои указанiя, заботилась уже о томъ, чтобы возвратить его на настоящую дорогу.

Мы приближаемся теперь къ жестокому испытанiю, отмѣтившему этого человѣка наиболѣе трагическою печатiю между всѣми писателями.

II.

Приближался 1848 годъ, и Россія не избѣжала общаго міроваго броженія. Европа и не подозрѣвала слабаго отголоска, раздавшагося оттуда въ отвѣтъ на провозглашеніе общественнаго утомленія. А между тѣмъ западныя идеи пробирались, подкапываясь подъ великую стѣну, проходили контрабандою книги и передавались изъ рукъ въ руки въ университетахъ, литературныхъ кружкахъ, даже въ военныхъ обществахъ. Наибольше благоразумные читали Штейна и Гакстгаузена, наибольше горячіе—Фурье, Луи Блана, Прудона. Образовывались студенческіе кружки: въ нихъ страстными, но сдержанными голосами обсуждались новыя теоріи. Около 1847 г. эти кружки открылись для публицистовъ, для офицеровъ и начали связываться между собою подъ руководствомъ одного бывшаго студента — чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, Петрашевскаго. Исторія заговора Петрашевскаго мало извѣстна, какъ и вообще вся исторія того времени. Достоверно однако, что между участниками его рѣзко обозначались два направленія: одни были послѣдователями предшественниковъ — декабристовъ 1825 г. и ограничивали свои мечты освобожденіемъ крестьянъ и либеральной конституціей, другіе заходили далѣе своихъ послѣдователей, современныхъ нигилистовъ и провозглашали коренное разрушеніе нашего устарѣвшаго общественнаго зданія.

Такая натура какъ Достоевскій, — можно легко угадать,—была обреченною жертвою такихъ увлеченій. Она принадлежала имъ какъ по своему великодушію, такъ и по прочувствованнымъ ею горестямъ и неспособности подчиненія. Долгое время спустя, въ „Дневникѣ Писателя“, Достоевскій разсказалъ, какъ Бѣлинскій убѣждалъ

его, какъ увлекъ въ социализмъ и хотѣлъ превратить въ атеиста. Эти строки, написанныя въ 1873 году, пропитаны горечью и дышать крайностями, въ нихъ та ошибка, что появились онѣ слишкомъ поздно, когда смерть замкнула уста, которыя могли бы опровергать ихъ. Бѣлинскій занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ русской литературѣ, онъ оказалъ ей слишкомъ много услугъ, для того, чтобы можно было безъ всякой осторожности принять увѣренія бывшаго его друга, сдѣлавшагося его порицателемъ. Я сталъ бы опровергать эти строки, если бы писалъ для Россіи и разбиралъ въ подробности сказанный пунктъ исторіи литературы; но мы находимся пока въ кругу общаго изслѣдованія, еще не настало время для подробностей. Какъ бы тамъ ни было, но авторъ „Бѣдныхъ людей“ скоро сдѣлался усерднымъ членомъ собраній, устроенныхъ Петрашевскимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ занялъ мѣсто въ ряду умѣренныхъ, или, вѣрнѣе сказать, между независимыми мечтателями. Изъ какого либо политическаго ученія онъ могъ выдѣлать только мистицизмъ, теорію сожалѣнія, а неспособность его къ дѣйствию дѣлала этого метафизика мало опаснымъ. Произнесенный впоследствии противъ него приговоръ выставлялъ весьма незначительныя обвиненія. Такъ на примѣръ, его обвинили въ посѣщеніи собраній, въ „разговорахъ о строгости цензуры“, чтеніи или даже слушаніи запрещенныхъ изданій, неясныхъ обѣщаніяхъ поддержки для предполагавшейся въ будущемъ типографіи. Такія мысленныя преступленія, конечно, покажутся не слишкомъ тяжелыми, въ особенности по сравненію съ ужасной карой, вызванной ими. Полиція была настолько неустроена въ тѣ времена, что въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ даже не знала, что совершалось въ кружкахъ недовольныхъ, пока одинъ измѣнившій собратъ не сдѣлалъ доноса. Петрашевскій съ товарищами еще болѣе выдали себя на банкетѣ, уст-

роенномъ въ честь Фурье. На этомъ банкетѣ, проповѣдывали въ духѣ того времени, о разрушеніи семьи, собственности, ниспроверженіи боговъ и властей, — это однако не помѣшало заговорщикамъ собраться вновь на другой пирушкѣ, гдѣ прославляли „основателя христіанства“. Достоевскій не присутствовалъ на этихъ соціальныхъ сборищахъ.

Все это происходило, — читая послѣдующее не надо забывать этого, — вскорѣ послѣ іюньскихъ дней, ужаснувшихъ Европу, годъ спустя послѣ иныхъ банкетовъ, низвергнувшихъ тронъ. Императоръ Николай, характеръ котораго искаженъ преданіями, былъ человѣколюбивъ и милостивъ, но во имя религіознаго убѣжденія, что Богъ поставилъ его избраннымъ для единственной цѣли — спасенія готоваго рухнуть міра, онъ принуждалъ себя быть неумолимымъ. Чтобы быть справедливой, исторія должна заглядывать въ глубину каждой совѣсти, провѣрять ея побужденія и изслѣдовать пружины, приводящія ихъ въ дѣйствіе. Но въ моментъ борьбы, о которой я говорю, не время было для объясненій и спокойнаго сужденія. 23 апрѣля 1849 года, въ пять часовъ утра, было арестовано тридцать пять заподозрѣнныхъ лицъ. Въ томъ числѣ находились и оба брата Достоевскіе. Подсудимыхъ отвели въ крѣпость, въ одиночное заключеніе въ казематахъ Алексѣевского равелина — печальномъ мѣстѣ, посѣщаемомъ скорбными тѣнями. Они пробыли тамъ восемь мѣсяцевъ, подвергаясь, вмѣсто развлечения допросамъ слѣдственныхъ комисаровъ. Только подъ конецъ въ ихъ камеры допущены были нѣкоторыя благочестивыя книги. Федоръ Михайловичъ писалъ впоследствии своему брату, скоро освобожденному за недостаточностью уликъ: „Въ продолженіи пяти мѣсяцевъ я жилъ самъ изъ себя, т. е. только однимъ моимъ мозгомъ и ничѣмъ болѣе. Постоянно думать и только думать, безъ всякаго внѣшняго впечатлѣнія, возобновляющаго и поддерживающаго,

мысль — очень тяжело... Я находился какъ будто подъ колпакомъ воздушнаго насоса, откуда вытянуть весь воздухъ“. Увы, это сильное сравненіе сохраняло тогда свою справедливость далеко за предѣлами рововъ русской крѣпости. Одинъ изъ заключенныхъ, Апполонъ Дебу, отмѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ единственное утѣшеніе, которое было имъ послано: Молодой гарнизонный солдатъ, стоявшій на часахъ въ корридорѣ, сжалился надъ одиночествомъ заключенныхъ, и, отъ времени до времени, открывалъ окошечко, продѣланное въ дверяхъ казематовъ, чтобы прошептать: „Скучно вамъ? Потерпите, Христось тоже мучился“. Быть можетъ при этихъ-то словахъ солдата въ душѣ Достоевскаго и зародились впервые нѣкоторые изъ тѣхъ образовъ, въ которыхъ онъ такъ хорошо умѣлъ выразить благочестивую безропотность русскаго народа.

2 декабря заключенныхъ вывели изъ тюрьмы, не сообщая имъ ничего о приговорѣ, постановленномъ военнымъ судомъ въ ихъ отсутствіи. Ихъ оставалось только двадцать одинъ человекъ, остальные были освобождены. Обвиненныхъ вывели на Семеновскій плацъ, гдѣ былъ воздвигнутъ эшафотъ. Въ то время какъ всѣ они толпились на платформѣ, узнавая и привѣтствуя другъ друга, Достоевскій сообщилъ одному изъ нихъ, — Монбелли, который впоследствии рассказалъ объ этомъ, — планъ новой повѣсти, сочиненной имъ въ тюрьмѣ. При 20 градусномъ морозѣ государственные преступники должны были снять платье и въ однихъ рубашкахъ слушать чтеніе приговора, продолжавшееся около получаса. Когда секретарь началъ чтеніе Федоръ Михайловичъ сказалъ своему сосѣду, Дурову: „неужели насъ казнять?“ Эта мысль впервые тогда пришла ему въ голову. Дуровъ отвѣчалъ ему движеніемъ руки, показывая на повозку, прикрытую парусиннымъ чехломъ и нагруженную какими то предметами, которые показались имъ по-

хожими на гроба. Чтеніе приговора закончилось словами: „...подвергнуть ихъ смертной казни чрезъ разстрѣліаніе“. Секретарь сошелъ съ эшафота, на который поднялся священникъ съ крестомъ въ рукахъ, призывая осужденныхъ къ исповѣди. Одинъ изъ нихъ, купецъ по происхожденію, дѣйствительно исповѣдался, остальные приложились ко кресту. Петрашевскаго и другихъ двухъ главныхъ заговорщиковъ привязали къ столбу и офицеръ скомандовалъ, стоявшему напротивъ взводу солдатъ, заряжать. Въ ту минуту, когда опускали ружья, бѣлый флагъ взвился передъ ними и только тогда осужденные узнали, что императоръ измѣнилъ приговоръ военнаго суда и смягчилъ наказаніе. Телѣги, ожидавшія у подножія эшафота, приготовленны были, чтобы отвезти приговоренныхъ въ Сибирь. Главныхъ заговорщиковъ отвязали, но одинъ изъ нихъ, Григорьевъ, сошелъ съ ума навсегда *).

Совершенно наоборотъ, Достоевскій всегда утверждалъ впослѣдствіи, и утверждалъ совершенно искренно, что если бы онъ былъ избавленъ отъ этого и другихъ послѣдовавшихъ испытаній, то, въ обыкновенномъ теченіи жизни, онъ непремѣнно потерялъ бы разсудокъ. Въ теченіи послѣдняго года, проведеннаго на свободѣ, тяжесть воображаемыхъ болѣзней, нервное разстройство и мистическій ужасъ *), вели его—можно повѣрить—

*) Эти подробности заимствованы изъ біографіи, помѣщенной г. Орестомъ Миллеромъ въ началѣ „*Переписки*“ и составленной изъ разсказовъ всѣхъ очевидцевъ того времени.

*) „Съ самаго наступленія сумерокъ я впадалъ въ то состояніе души, которое такъ часто приходитъ ко мнѣ теперь, въ моей болѣзни, по ночамъ, и которое я называю *мистическимъ ужасомъ*.—Это самая тяжелая, мучительная боязнь чего то, чего я самъ опредѣлить не могу, чего то не постигаемаго и несуществующаго въ порядкѣ вещей, но что непремѣнно, можетъ быть сію же минуту, осуществился, какъ бы въ насмѣшку всѣмъ доводамъ разума, придетъ ко мнѣ и стоитъ передо мною, какъ неотразимый фактъ, ужасный, безобразный и неумолимый.“

прямо къ умственному разстройству. Онъ увѣряетъ, что былъ спасенъ только благодаря внезапной перемѣнѣ жизни, благодаря необходимости скрѣпитъ себя подъ ударами, падавшими тогда на него. Я пожалуй соглашусь съ этимъ; тайны духа необъяснимы и, правда нѣтъ лучшаго лѣкарства отъ воображаемыхъ несчастій, какъ несчастіе дѣйствительное; однако я склоненъ думать, что въ такомъ утвержденіи сквозитъ оттѣнокъ гордости. При внимательномъ чтеніи всѣхъ послѣдующихъ произведеній романиста, всегда встрѣтится точка, на которой вѣчно переживается мозговое потрясеніе утаенной минуты. Въ каждой изъ своихъ книгъ авторъ приводитъ подобную сцену, рассказъ или сновидѣніе о смертной казни и съ особенной горячностью отдается психологическому изученію осужденнаго, готовящагося къ смерти. Обратите вниманіе на особую напряженность этихъ страницъ и вы почувствуете появленіе призрака, вѣчно живущаго въ какомъ то скорбномъ тайникѣ ума.

Императорскій приговоръ, менѣе строгій по отношенію къ писателю, чѣмъ къ другимъ его товарищамъ, низводилъ его наказаніе до четырехъ лѣтъ каторжныхъ работъ, со вступленіемъ потомъ на службу въ качествѣ простаго рядоваго, при лишеніи дворянства и гражданскихъ правъ. Ссылныхъ, тутъ же на мѣстѣ, усадили въ сани и поѣздъ направился въ Сибирь. Въ Тобольскѣ, проведя вмѣстѣ послѣднюю ночь, они распростились другъ съ другомъ. Тутъ ихъ заковали, обрили имъ головы и отправили по различнымъ назначеніямъ. Здѣсь то, въ этапной тюрьмѣ, ихъ посѣтили жены декабристовъ. Всѣмъ извѣстно какой дивный примѣръ подали эти доблестныя женщины: принадлежа къ высшимъ классамъ общества, ведя счастливую жизнь, онѣ покинули все, послѣдовали за изгнанными мужьями въ Сибирь, и въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ скитались у порога каторги. Узнавъ, что отчизна посылаетъ имъ новое по-

колѣніе изгнанниковъ, женщины эти появились въ тюрьмѣ учительницами страданія и мужества, онѣ преподали новому несчастію материнскій урокъ стараго горя и указали молодежи — старшему между ссыльными не было еще и тридцати лѣтъ—на то, что ихъ ожидаетъ и какъ слѣдуетъ переносить бѣдствіе. Онѣ сдѣлали лучше—онѣ предложили все, что могли дать, все, чѣмъ могли онѣ владѣть—евангеліе. Достоевскій принялъ его и въ теченіи четырехъ лѣтъ книга эта не покидала его изголовья. Онѣ читалъ эту книгу по ночамъ, подъ фонаремъ арестантской, онѣ научилъ другихъ читать ее. Послѣ тяжелой дневной работы, въ то время, какъ сотоварищи его восстанавливали сномъ свои физическія силы, онѣ искалъ отъ своей книги иного благодѣянія, еще болѣе необходимаго для мыслящаго человѣка, восстановленія нравственныхъ силъ, подъема духа на уровень испытанія.

Представьте его себѣ, этого человѣка мысли, съ его утонченной нервной системой, съ его пожирающей гордостью, съ безпокойнымъ отъ природы воображеніемъ, которое склонно было и безъ того быстро преувеличивать каждое неудобство,—представьте же его себѣ попавшимъ въ это общество обыкновенныхъ мошенниковъ, осужденнаго на однообразную работу, выводимаго каждое утро на принудительный трудъ и при малѣйшей небрежности, при каждомъ дурномъ расположеніи духа сторожей, подвергавшагося угрозѣ пройти подъ солдатскими палками. Онѣ былъ вписанъ во „вторую категорію“, категорію худшихъ злодѣевъ и политическихъ преступниковъ. Осужденные этого рода содержались въ крѣпости подъ военнымъ карауломъ, они должны были работать на мельницахъ, перемалывающихъ алебастръ, разбирать зимою, на замерзшей рѣкѣ, старыя барки, и трудиться надъ другими тяжелыми и бесполезными работами. Достоевскій прекрасно описалъ въ послѣдствіи невыносимую усталость, подавляющую человѣка, принуж-

даемаго работать только для того, чтобы работать, чувствующаго, что дѣло его — не болѣе какъ простая гимнастика. Онъ сказалъ также, и я вѣрю этому вполне, что самое ужасное наказаніе состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіи цѣлыхъ годовъ ни на одну минуту не оставаться одному. Но для этого писателя, въ полномъ разцвѣтѣ его силъ, переполненнаго мыслями и образами, невозможность писать, облегчить свои страданія, передавъ ихъ въ литературномъ произведеніи, было высшею мукою. Невыразившійся, обращенный внутрь, талантъ душилъ его.

Однако онъ пережилъ это время и вышелъ изъ него очищеннымъ и укрѣпленнымъ. Намъ не нужно представлять въ воображеніе исторію этого мученичества. Она вся вполне передъ нами, едва прикрытая вымышленными именами, изложенная въ книгѣ, написанной имъ по выходѣ съ каторги, подъ заглавіемъ: „*Записки изъ Мертваго дома*“. Этой книгой мы открываемъ входъ въ область его сочиненій, продолжая слѣдовать по пути его жизни. О! какъ случайна и несправедлива литературная слава. Произведеніе Сильвіо Пеллико облетѣло весь образованный міръ, во Франціи оно считается классическимъ. И въ той же самой Франціи, на этомъ великомъ пути всякой извѣстности и всякой идеи, будетъ впервые, насколько мнѣ извѣстно, напечатано заглавіе потрясающей и великолѣпной книги, превосходящей разсказъ Ломбардскаго узника настолько же со стороны искусства, насколько и со стороны ужаса рассказываемыхъ вещей. Неужели русскія слезы менѣе человѣчны, чѣмъ слезы итальянскія?

Не существуетъ книги, написать которую было бы труднѣе. Нужно было говорить о Сибири, таинственной странѣ, самое названіе которой неохотно произносилось въ тѣ времена. Даже языкъ закона часто прибѣгалъ къ иносказанію, чтобы избѣжать настоящаго слова. Суды при-

говаривали къ ссылкѣ „въ отдаленныя мѣста“. И вотъ бывшій политическій ссыльный предпринялъ путь по горячимъ углямъ. Первымъ условіемъ успѣха было — притвориться, что писатель не знаетъ ничего ни о какихъ политическихъ преступникахъ, а между тѣмъ нужно было показать, какія утонченныя страданія ожидаютъ человѣка высшаго класса, сброшеннаго въ эту опозоренную среду. Авторъ предлагаетъ намъ рукопись нѣкоего Александра Горячникова, умершаго въ Сибири послѣ своего освобожденія. Нѣсколько предварительныхъ страницъ предупреждаютъ насъ, что онъ былъ честнымъ и образованнымъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ дворянскому сословію, а осужденъ онъ былъ на десять лѣтъ каторжныхъ работъ, о, Боже мой, менѣ чѣмъ за ничто. за случайность, за одинъ изъ тѣхъ грѣховъ, которые не мараютъ ни сердца, ни чести: Горячниковъ убилъ свою жену въ приступѣ справедливой ревности. Въдѣвы не лишаютъ его за это своего уваженія, наши присяжные оправдали бы его, и кромѣ того, вы угадываете, что эта исторія измышлена для того, чтобы прикрыть политическое преступленіе. Цѣль автора достигнута—вы входите въ адъ по слѣдамъ невиннаго человѣка. Вотъ казарма, окруженная валами и оградами; отъ 3 до 4 тысячъ каторжниковъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ свѣта. Этотъ маленькій мірокъ представляетъ вѣрное отраженіе Россіи съ ея мозаичнымъ населеніемъ. Здѣсь есть и Татары и Киргизы, Поляки, Лезгины, даже одинъ жидъ. Впродолженіи десяти лѣтъ безпросвѣтной скуки единственное занятіе Горячникова—читайте: Достоевскаго—состоитъ въ наблюденіи надъ этими бѣдными душами, и отсюда появляются несравненныя психологическія картины. Мало по малу подъ однообразнымъ платьемъ презрѣнныхъ, изъ подъ общаго всѣмъ имъ угрюмаго и нелюдимаго настроенія мы видимъ, какъ начинаютъ вырисовываться характеры, выступаютъ че-

ловѣческія созданія, проанализированныя до самой глубины ихъ инстинктовъ. Наблюдатель охватываетъ однимъ общимъ сочувствіемъ всѣхъ окружающихъ его „несчастливыхъ“, этимъ именемъ русскій народъ неизмѣнно обозначаетъ всѣхъ жертвъ правосудія. Писатель охотно пользуется такимъ названіемъ, чувствуетъ, что онъ также избѣгаетъ думать о грѣхѣ, для того, чтобы соболѣзновать печальному искупленію, чтобы отыскать, и въ этомъ его постоянная забота, — божественную искру, сохраняющуюся всегда даже въ самомъ развращенномъ сердцѣ. Нѣкоторые изъ каторжниковъ рассказываютъ ему свои исторіи, составляющія предметъ небольшихъ драматическихъ отрывковъ, неподобныхъ по естественности и живому чувству. Наиболѣе законченными являются рассказы о двухъ убійствахъ изъ за любви: солдата Баклушина и мужа Акулины. Философъ не даетъ себѣ труда раскапывать прошедшее другихъ, ему лучше нравится обрисовывать ихъ нравственную природу саму по себѣ. Приемы его широки и неопредѣлены, все округлено неясными полутѣнями, которыя такъ любятъ русскіе авторы. Они видятъ людей и вещи сквозь сѣроватую предразсвѣтную мглу, не законченныя очертанія теряются въ смутной туманной возможности. Это портреты Геннера постановленные напротивъ нашихъ портретовъ Ингреса. И самый языкъ, въ особенности народный языкъ, употребляемый Достоевскимъ, превосходно способствуетъ этому тону, благодаря своей неопредѣленности и тягучести.

Большинство такихъ натуръ можетъ быть подведено подъ одинъ общій типъ. Повсюду излишество порыва, *отчаянность*, — то состояніе сердца и ума, для котораго я тщетно подыскиваю равносильное выраженіе въ нашемъ языкѣ. Достоевскій опредѣляетъ такое состояніе во многихъ мѣстахъ: „Это ощущеніе челоуѣка, наклоняющагося съ вершины башни надъ зіяющей пропастью

и испытывающаго сладострастное содраганіе при мысли, что онъ можетъ броситься туда внизъ головой. Скорѣе и покончимъ! думаетъ онъ. Иногда даже самые мирные, обыкновенные люди испытываютъ это чувство... Человѣкъ находитъ удовольствіе внушать другимъ отвращеніе и ужасъ... Душа его разрывается въ неудержимомъ отчаяніи, и вотъ отчаявшійся человѣкъ призываетъ на себя кару, какъ развязку, какъ нѣчто, что „рѣшить“ за него“... Въ романѣ „Идіотъ“, къ разбору котораго мы скоро приступимъ, авторъ приводитъ характерный примѣръ такого приступа прихоти, случившійся, по увѣренію его, на самомъ дѣлѣ“:

„На постоялый дворъ пришли двое крестьянъ, люди пожилые, давно знакомые между собой. Они напились чаю и на ночь помѣстились вдвоемъ въ одной комнатѣ. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ дня за два передъ тѣмъ, что у товарища надѣты на шеѣ серебряные часы на бисерной цѣпочкѣ, которыхъ онъ прежде у него не знавалъ. Этотъ человѣкъ былъ не воръ, велъ себя честно и даже былъ зажиточнымъ крестьяниномъ; но часы такъ понравились ему, такъ жестоко соблазняли его, что онъ не могъ овладѣть собой. Онъ взялъ ножъ и, какъ только пріятель повернулся къ нему спиной, онъ подкрался къ нему, намѣтилъ мѣсто, поднялъ глаза къ небу, перекрестился, набожно проговорилъ: „Прости Господи, ради Христа!“ , а потомъ однимъ махомъ зарѣзалъ товарища, какъ барана, и взялъ у него часы“.

Въ такіе приступы безумія часто входитъ и большая доля аскетизма. Вотъ отрывокъ, въ которомъ выведенъ старовѣръ, каторжникъ примѣрнаго поведенія, а между тѣмъ онъ бросаетъ въ коменданта крѣпости камень, единственно затѣмъ, чтобы пойти подъ розги, „чтобы претерпѣть страданіе“. Достоевскаго настолько поразила эта черта, что онъ возвратится къ ней въ „Преступленіи Наказаніи“, онъ по этому поводу въ сотый разъ

объяснить таинственный смыслъ, какой русскій народъ связываетъ съ понятіемъ страданія, отыскиваемого добровольно ради его очищающаго дѣйствія. „А если пострадать отъ властей, такъ еще лучше“. Здѣсь виднѣтся мысль объ Антихристѣ, неотдѣлимая для нѣкоторой части русскаго народа, для безчисленныхъ сектъ раскола, отъ понятія о временной власти. Весь этотъ очеркъ раскольника заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь. Изъ него ясно видны приемы автора, и онъ объяснить страну, изучаемую нами лучше, чѣмъ всякія долгія отступленія. „Это былъ старичекъ лѣтъ шестидесяти, маленькій, сѣденькій. Онъ рѣзко поразилъ меня съ перваго взгляда. Онъ такъ не похожъ былъ на другихъ арестантовъ: что то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ, что помню, я съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его ясные, свѣтлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинами. Часто говорилъ я съ нимъ и рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодушное существо въ моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство сильно поощряло ихъ и начало строить единовѣрческую церковь. Старикъ, съ другими фанатиками, рѣшилъ стоять за вѣру, какъ онъ выражался, и они сожгли церковь. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ онъ былъ сосланъ въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ; дома оставилъ жену, дѣтей, но съ твердостью пошелъ въ ссылку, потому что считалъ ее „мукою за вѣру“. Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, вы бы невольно задали себѣ вопросъ: какъ могъ этотъ смиренный, кроткій, какъ дитя человекъ, быть бунтовщикомъ? И нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ о „вѣрѣ“. Онъ не уступалъ ничего изъ своихъ убѣжденій; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было въ его возраженіяхъ. А

между тѣмъ онъ разорилъ церковь и не запирался въ этомъ. Казалось, что по своимъ убѣжденіямъ, свой поступокъ и принятая за него „муки“, онъ долженъ былъ считать славнымъ дѣломъ. Но какъ ни всматривался я, какъ ни изучалъ его, никогда никакого признака тщеславія или гордости не замѣчалъ я въ немъ. Во всемъ острогѣ старикъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нисколько не тщеславился. Арестанты называли его дѣдушкой и никогда не обижали его. Я отчасти понялъ, какое онъ могъ имѣть вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Но не смотря на видимую твердость, съ которою онъ переживалъ свою каторгу, въ немъ таилась глубокая, неизлечимая грусть, которую онъ старался скрывать ото всѣхъ. Я жилъ съ нимъ въ одной казармѣ. Однажды, часу въ третьемъ ночи, я проснулся и услышалъ тихій сдержанный плачь. Старикъ сидѣлъ на печи и молился по своей рукописной книгѣ. Онъ плакалъ, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ по временамъ: „Господи, не оставь меня! Господи, укрѣпи меня! Дѣтушки мои малыя, дѣтушки мои милыя, никогда то намъ не свидѣться!“ Не могу рассказать, какъ мнѣ стало грустно“.

Въ параллель этому портрету, я хочу перевести страницу ужасающей реальности—смерть Михайлова.

„Я мало зналъ этого Михайлова. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти не болѣе, высокій, тонкій и чрезвычайно благообразной наружности. Онъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и былъ до странности молчаливъ, всегда какъ-то тихо, какъ-то спокойно грустный. Точно онъ „засыхалъ“ въ острогѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ потомъ выражались арестанты, между которыми онъ оставилъ по себѣ хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза и право не знаю, почему онъ мнѣ такъ отчетливо вспоминается... Онъ умеръ часа въ три пополудни, въ ясный и морозный день. Помню солнце такъ и прони-

зывало крѣпкими, косыми лучами зеленыя, слегка подмерзшія стекла въ окнахъ нашей палаты. Цѣлый потокъ ихъ лился на несчастнаго. Умеръ онъ не въ памяти и тяжело, долго отходилъ, нѣсколько часовъ сряду. Еще съ утра глаза его начинали не узнавать подходившихъ къ нему. Его хотѣли какъ нибудь облегчить, видѣли, что ему очень тяжело; дышалъ онъ трудно, глубоко, съ хрипѣньемъ; грудь его высоко подымалась, точно ему воздуха было мало. Онъ сбиль съ себя одѣяло, всю одежду и, наконецъ, началъ срывать съ себя рубашку. Страшно было смотрѣть на это длинное, длинное тѣло съ высохшими до кости руками и ногами, съ опавшимъ животомъ, съ поднятою грудью, съ ребрами, отчетливо рисовавшимися, точно у скелета. На всемъ тѣлѣ его остались только деревянный крестъ съ ладонкой и кандалы, въ которыя, кажется, онъ бы теперь могъ продѣть изсохшую ногу. За полчаса до смерти его, всѣ у насъ какъ будто притихли, стали разговаривать чуть не шопотомъ. Кто ходилъ, — ступаль какъ-то неслышно. Разговаривали между собой мало, о вещахъ постороннихъ, изрѣдка только взглядывали на умирающаго, который хрипѣлъ все болѣе и болѣе. Наконецъ, онъ блуждающей нетвердой рукой нащупалъ на груди свою ладонку и началъ рвать ее съ себя, точно и та была ему въ тягость, беспокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минуть черезъ десять онъ умеръ. Стукнули въ дверь къ караульному, дали знать. Вошелъ сторожъ, тупо посмотрѣлъ на мертвеца и отправился къ фельдшеру. Фельдшеръ, молодой и добрый малый, немного излишне занятый своей наружностью, довольно впрочемъ счастливою, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по пристихшей палатѣ, подошелъ къ покойнику и съ какимъ-то особенно развязнымъ видомъ, какъ будто нарочно выдуманнмъ для этого случая, взялъ его за пульсъ, пощупалъ, махнулъ ру-

кою и вышелъ. Тотчасъ же отправились дать знать караулу: преступникъ былъ важный, особаго отдѣленія, его и за мертваго то признать надо было съ особыми церемоніями. Въ ожиданіи караульныхъ, кто то изъ арестантовъ подалъ мысль, что не худо бы закрыть покойнику глаза. Другой внимательно его выслушалъ, молча подошелъ къ мертвецу и закрылъ глаза. Увидѣвъ тутъ же лежавшій на подушкѣ крестъ, взялъ его осмотрѣлъ, и молча надѣлъ его опять Михайлову на шею: и перекрестился! Между тѣмъ мертвое лицо костенѣло; лучъ свѣта игралъ на немъ; ротъ былъ полураскрывшій; два ряда бѣлыхъ, молодыхъ зубовъ сверкали изъ подъ тонкихъ, прилипшихъ къ деснамъ губъ. Наконецъ, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ при тесахъ и въ каскѣ, за нимъ два сторожа. Онъ подходилъ все болѣе и болѣе замедляя шаги, съ недоумѣніемъ посматривая на затихшихъ и со всѣхъ сторонъ сурово глядѣвшихъ на него арестантовъ. Подойдя на шагъ къ мертвецу, онъ остановился какъ вкопанный, точно оробѣлъ. Совершенно обнаженный, изсохшій трупъ въ кандалахъ, поразилъ его, и онъ вдругъ отстегнулъ чешую, снялъ каску, чего вовсе не требовалось и широко перекрестился. Это было суровое, сѣдое, служилое лицо. Помню, въ это самое мгновенье тутъ же стоялъ Чекуновъ, тоже сѣдой старикъ. Все время онъ молча и пристально смотрѣлъ въ лицо унтеръ-офицера, прямо въ упоръ и съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ вглядывался въ каждый жестъ его. Но глаза ихъ встрѣтились и у Чекунова вдругъ отчего-то дрогнула нижняя губа. Онъ какъ то странно скривилъ ее, оскалилъ зубы и быстро, точно нечаянно кивнувъ унтеръ-офицеру на мертвеца, проговорилъ: —Тоже вѣдь мать была! и отошелъ прочь. Помню эти слова меня точно пронзили. И для чего онъ ихъ проговорилъ и какъ пришли они ему въ голову? Но вотъ трупъ стали поднимать, подняли вмѣстѣ съ

койкой, солома захрустѣла, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, бряцнули объ полѣ... Ихъ подобрали. Тѣло понесли. Вдругъ всѣ громко заговорили. Слышно было, какъ унтеръ-офицеръ уже въ корридорѣ посылалъ кого-то за кузнецомъ. Слѣдовало расковать мертвеца“.

Теперь можно судить о приѣмѣ автора, о его достоинствахъ и недостаткахъ. Приѣмъ этотъ въ настойчивомъ, мельчайшемъ разложеніи cadaго дѣйствія. Между трагическими картинами проходятъ другія болѣе кроткія, мягкія фигуры, добрыя души, посвятившія себя облегченію участи заключенныхъ, какъ напр., вдова приходившая каждый день къ воротамъ каторги, чтобы принести мелкіе подарки, рассказать кое-какія новости, или просто улыбнуться несчастнымъ. „Она могла сдѣлать очень небольшое, она была очень бѣдна, но мы, заключенные чувствовали, что близко за стѣнами острога, есть существо преданное намъ, а это было уже много“. Я выбираю еще одну страницу, одну изъ наиболѣе сжатыхъ, но и наиболѣе внутренне прочувствованныхъ — исторію орла, освобожденнаго каторжниками, для того, „чтобы онъ издохъ на свободѣ“. Однажды возвращаясь съ работы, они захватили одну изъ этихъ большихъ сибирскихъ птицъ, съ подшибленнымъ крыломъ. Нѣсколькомѣсяцевъ жила она на острожномъ дворѣ, ее кормили и тщательно старались приручить. Забившись въ уголь, образуемый частоколомъ, орелъ отбивался отъ всѣхъ приближавшихся, кидая злобные взгляды на тѣхъ, кто принудилъ его раздѣлять ихъ неволю. Наконецъ про него забыли:

„Одиноко и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примѣряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ и хоть никто не заботился, никто ни поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе: то говорили, что надо вынести орла: — Пусть хоть околѣетъ,

да не въ острогѣ, говорили одни. — Вѣстимо, птица вольная, суровая, не приучишь къ острогу то, поддакивали другіе. — Знать онъ не такъ, какъ мы, прибавилъ кто-то. — Вишь сморозилъ: то птица, а мы, значить, человѣки. — Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ... началъ было Скуратовъ, но его на этотъ разъ не стали слушать. Разъ послѣ обѣда когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться и понесли изъ острога. Дошли до вала. Человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть куда пойдетъ орелъ. Странное дѣло, всѣ были чѣмъ то довольны, точно отчасти сами они получали свободу. — Ишь, собачье мясо: добро ему творишь, а онъ все кусается? говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу. — Отпущай его, Микитка! — Ему знать, чорта въ чемоданѣ не строй. Ему волю подавай, заправскую волю, волюшку. Орла бросили съ вала въ степь. Это было глубокою осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая большимъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ его голова. — Вишь его! задумчиво проговорилъ одинъ. — И не оглянется! прибавилъ другой. — Ни разу-то, братцы, не оглянется, бѣжитъ себѣ! — А ты думалъ благодарить воротится, замѣтилъ третій. — Знамо дѣло — воля. Волю почуялъ. — Слобода значить. — И невидать ужъ братцы... Чего стоять то? Маршъ, закричали конвойные... И всѣ молча поплелись на работу“.

О, когда открываешь эту книгу, то, съ первыхъ же страницъ, тонъ ея настолько надрываетъ душу, что спрашиваешь себя какимъ образомъ авторъ соблюдаетъ постепенность, какимъ образомъ приложилъ онъ здѣсь

свою постоянную манеру—накопленія мрачныхъ звуковъ, медленнаго возрастанія печали и ужаса. Но онъ успѣлъ сдѣлать это, и тотъ, кто будетъ имѣть мужество дойти до главы, описывающей тѣлесное наказаніе, войти въ госпиталь, куда каторжники отправляются на излеченіе послѣ этого наказанія, тотъ подтвердитъ мои слова. Я не думаю, чтобы можно было нарисовать болѣе жестокія муки въ болѣе отвратительной рамкѣ. Эти картины написаны, какъ будто нарочно, чтобы привести въ отчаяніе нашихъ натуралистовъ; я бросаю имъ вызовъ зайти когда либо далѣе въ область крови. А между тѣмъ Достоевскій не принадлежитъ къ ихъ школѣ. Различіе между ними не легко объяснить, но оно чувствуется. Человѣкъ, посѣтившій больницу только для того, чтобы изъ простаго любопытства увидать необыкновенныя раны, заслуживаетъ строгаго осужденія, но тотъ, кто приходитъ облегчать и исцѣлять эти раны внушаетъ сочувствіе и уваженіе. Все заключается въ намѣреніяхъ автора, какъ ни были бы тонки ухищренія его искусства, онъ не обманетъ читателя относительно своихъ намѣреній. Когда реализмъ писателя представляетъ изъ себя только причудливую изысканность, онъ можетъ, конечно, возбудить въ насъ нездоровое любопытство, но въ глубинѣ нашей совѣсти мы осудимъ его, а, сверхъ того, и самихъ себя,—такое чувство не поселитъ въ насъ любви къ автору. Если же, напротивъ, мы ясно видимъ, что эта особая эстетика служитъ нравственной цѣли, что она глубже вниѣдряетъ данный урокъ въ нашу душу, мы можемъ оспаривать самую эстетику, но писатель пріобрѣлъ уже наше сочувствіе, отвратительныя картины его, облагораживаютъ я, какъ язва подъ рукою сестры милосердія.

Таковъ и есть Достоевскій. Онъ писалъ для того, чтобы излѣчить. Онъ поднималъ, осторожной, но неумолимой, рукою покровъ, скрывавшій отъ взглядовъ самой Рос-

сіи, этотъ сибирскій адъ, этотъ ледяной кругъ Данта, затерянный въ отдаленныхъ туманахъ. „Записки изъ Мертваго дома“ были для ссылки тѣмъ же, чѣмъ были „Записки охотника“ для рабства—первымъ ударомъ набата, ускорившаго преобразованія. Спѣшу заявить, что въ настоящее время всѣ эти отталкивающія сцены отошли въ область прошедшаго; тѣлесное наказаніе уничтожено, и тюремныя постановленія въ Сибири настолько же человѣчны, какъ и у насъ. Въ виду результата, простимъ этому мучителю тайное наслажденіе, которое онъ испытываетъ, раздирая наши сердца въ то время, какъ показываетъ намъ призраки среднихъ вѣковъ: тысячу, двѣ тысячи ударовъ, падающихъ на окровавленную спину шуточки надзирающихъ офицеровъ, вызывающія тошноту, ночь въ госпиталѣ, сумасшествіе подъ вліяніемъ страха, нервное разстройство, какъ послѣдствіе казни. Надо побѣдить себя и окончить чтеніе. Эта книга скажетъ болѣе, чѣмъ всѣ длинныя отвлеченныя разсужденія, о возможныхъ нравахъ, о роковомъ характерѣ страны, гдѣ вчера еще происходили подобныя вещи, гдѣ можно было передавать ихъ, какъ обыкновенный разсказъ, безъ всякихъ взрывовъ негодованія или удивленія подъ перомъ автора. Я знаю хорошо, что такое безпристрастіе есть не болѣе, какъ пріемъ литературный. Но самый фактъ, что этотъ пріемъ былъ принятъ читателями, то, что имъ можно было говорить о такихъ ужасахъ, какъ объ обыкновенныхъ явленіяхъ общественной, текущей жизни, этотъ фактъ, говорю я, указываетъ, что мы выступили уже изъ нашего міра, что мы должны ожидать всякихъ крайностей въ добрѣ и злѣ, въ варварствѣ, мужествѣ, самоотреченіи. Ничто не должно уже удивлять въ людяхъ, идущихъ на каторгу съ евангеліемъ въ рукахъ. Изъ приведенныхъ выписокъ можно видѣть, насколько эти крайнія натуры проникнуты духомъ Завѣта, прошедшаго черезъ Византію, передѣлав-

шую его на аскетическій и мученическій ладъ. Всѣ заблужденія и всѣ добродѣтели этихъ людей вытекають изъ одного источника. По правдѣ сказать, мною овладѣваетъ отчаяніе, когда я пытаюсь дать нашему міру понятіе объ этомъ иномъ мірѣ, т. е. связать общеою мыслью души, посѣщаемыя столь различными образами, головы, слѣпленные столь различными руками. И такая мягкость вовсе одна только постановка. Достоевскій и послѣ тысячу разъ говорилъ, что испытаніе хорошо на него подѣйствовало, что оно научило его любить своихъ братьевъ изъ народа, научило различать величіе души въ самомъ худшемъ преступникѣ. „Судьба, поступая со мною какъ мачиха, оказалась на самомъ дѣлѣ матерью для меня“.

Послѣдняя глава могла бы быть названа: Воскресеніе. Въ ней мы можемъ прослѣдить за развитіемъ, съ рѣдкимъ искусствомъ, чувствами наполняющими душу узника при видѣ приближенія и при самой минутѣ его освобожденія. Кажется, что присутствуешь при первыхъ лучахъ разсвѣта, при постепенномъ распространеніи дня во тьмѣ, до самой той минуты, когда появляется солнце. Въ теченіи послѣднихъ недѣль Горячниковъ можетъ достать нѣсколько книгъ, номеръ журнала. Не читая въ продолженіи десяти лѣтъ ничего кромѣ евангелія, не имѣя никакихъ извѣстій изъ міра живущихъ, и вновь схватывая, послѣ такого перерыва, нить современной жизни, онъ испытываетъ необычное чувство. Ему кажется, что онъ входитъ въ новую вселенную, онъ не можетъ объяснить себѣ самыхъ простыхъ словъ и вещей, онъ съ ужасомъ спрашиваетъ себя какіе гигантскіе шаги впередъ сдѣлало безъ него его поколѣніе; такія чувства вѣроятно испытывалъ бы воскресшій изъ могилы. Наконецъ, торжественный часъ пробилъ, онъ трогательно прощается съ сотоварищами, покидая ихъ, онъ почти испытываетъ сожалѣніе, вѣдь, частицу сердца

оставляешь вездѣ, даже на каторгѣ. Онъ идетъ въ кузницу, оковы его падаютъ, онъ свободенъ.

III.

Свобода очень относительная. Достоевскій вступилъ рядовымъ въ одинъ изъ сибирскихъ полковъ. Два года спустя, въ 1856 году, новое правительство объявило помилованіе. Будучи произведенъ въ офицеры и восстановленъ въ гражданскихъ правахъ, Федоръ Михайловичъ вскорѣ получилъ позволеніе выйти въ отставку. Нужны были однако долгія хлопоты, чтобы получить разрѣшеніе возвратиться въ Европу, и въ особенности печатать свои сочиненія, разрѣшеніе, безъ котораго все остальное не имѣло цѣны для писателя. Наконецъ въ 1859 году, послѣ десятилѣтняго изгнанія, онъ переѣхалъ Уралъ и вступилъ въ совершенно измѣнившуюся, такъ сказать, провѣтренную Россію, всю трепещущую отъ нетерпѣнія и надежды наканунѣ освобожденія крестьянъ. Онъ привезъ изъ Сибири жену, вдову одного изъ бывшихъ его сообщниковъ по заговору Петрашевскаго, которую онъ тамъ встрѣтилъ и полюбилъ. Этотъ романъ въ изгнаніи, какъ и все касающееся его жизни, былъ затѣненъ несчастіемъ и облагороженъ самоотверженіемъ. Молодая женщина чувствовала въ то время болѣе живую привязанность, къ другому, едва не кончившуюся бракомъ. Переписка Достоевскаго въ теченіи цѣлаго года указываетъ намъ, заботы его объ устройствѣ счастья любимой женщины и его соперника, онъ постоянно пишетъ друзьямъ въ Петербургъ съ цѣлью устранить всѣ препятствія къ ихъ браку. „Что касается до меня, пишетъ онъ въ концѣ одного изъ этихъ писемъ,—передъ Богомъ! Я брошусь въ воду или запью“.

Страницу изъ этой то сердечной исторіи онъ передалъ въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, первомъ ро-

манѣ, переведенномъ во Франціи, первомъ, но не лучшимъ. Положеніе повѣреннаго, покровительствующаго любви, приводящее его въ отчаяніе, безъ сомнѣнія правдиво, потому что авторъ самъ перенесъ его. Но я не знаю, или положеніе это плохо изображено, или сердца наши болѣе эгоистичныя, только принимаешь его съ трудомъ, оно не можетъ долго тянуться, не дѣлаясь нѣсколько смѣшнымъ. Слишкомъ растянутое изложеніе, двойное драматическое дѣйствіе непріятно затрогиваютъ всѣ наши сочинительскія привычки. Въ тотъ моментъ, когда мы заинтересовываемся интригой, на заднемъ планѣ явственно возстаетъ передъ нами другая, какъ будто списанная съ первой. Я охотно повѣрю, что такимъ раздвоеніемъ авторъ старался достигнуть утонченнаго эффекта въ искусствѣ, посредствомъ пріема, заимствованнаго у музыкантовъ. Здѣсь, какъ и тамъ, главная драма пробуждаетъ отдаленный отголосокъ, это мелодическій рисунокъ оркестра, отражающій хоры, раздающійся на сценѣ. Или, быть можетъ, лучше будетъ сказать, что два соединенныхъ романа представляютъ собою, какъ бы два зеркала, поставленныхъ одно напротивъ другого, и посылающихъ другъ другу одно и тоже изображеніе. Но для публики все это слишкомъ большія тонкости. Кромѣ того нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ не отвѣчаютъ жизненной правдѣ. Достоевскому очень нравился Эженъ Сю, и, подозреваю, что въ то время онъ находился еще подъ вліяніемъ нашего драматурга. По крайней мѣрѣ его князь Валковскій совершенно мелодраматическій злодѣй, такъ и кажется, что онъ явился прямо изъ театра Амбигю. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда авторъ бралъ свои типы изъ высшихъ классовъ, онъ всегда выступалъ на ложный путь, онъ ничего не понималъ въ затаенной и ложной борьбѣ страстей, въ движеніяхъ душъ, приглушенныхъ свѣтскими привычками. Возлюбленный Наташи, сумасбродный ребенокъ,

которому она всею пожертвовала, имѣть ли большую цѣнность. Я хорошо знаю, что отъ любви нельзя требовать разума, что можетъ быть философичнѣе было бы восхищаться силою самаго чувства, независимо отъ достоинствъ его предмета. Но отъ читателя романа не требуется философскихъ воззрѣній, онъ хочетъ, чтобы столь много любимый герой интересовалъ его, читатель скорѣе помирится съ негодяемъ, но не потерпитъ дурака. Во Франціи, по крайней мѣрѣ мы не могли бы примириться, съ утѣшительнымъ, правда, и естественнымъ явленіемъ, съ изящнымъ созданиемъ, преклоняющимся передъ слабоумнымъ юношей. Такъ какъ мы очень любезны, то въ сущности допускаемъ обратную крайность: генія, обожающаго дурочку,—но болѣе этого мы не въ состояніи ничего вообразить. Достоевскій самъ пошелъ дальше самаго строгаго осужденія: въ одной изъ журнальныхъ статей, говоря объ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, онъ писалъ: „Я признаю, что въ моемъ романѣ много куколъ вмѣсто людей, это не живыя лица, облеченныя въ артистическую форму—это ходячія книги“.

Но, сдѣлавъ такія оговорки, прибавимъ, что на двухъ женскихъ фигурахъ виденъ отпечатокъ руки художника. Наташа—это воплощенная страсть, преданная и ревнивая, она говоритъ и дѣйствуетъ какъ жертва изъ греческой трагедіи, вся захваченная роковою богинею любви. Нелли, прелестный и трогательный ребенокъ, кажется сестрою утонченнѣйшихъ изданій Диккенса. Какъ прекрасно выражаетъ она, одну изъ евангельскихъ истинъ, вѣчно живущую въ сердцѣ русскаго народа: „Я пойду просить милостыню... не стыдно просить: я не у одного человѣка прошу, я у всѣхъ прошу, а всѣ не одинъ человѣкъ; у одного стыдно, а у всѣхъ не стыдно; такъ мнѣ одна нищенка говорила; вѣдь, я маленькая, мнѣ негдѣ взять. Я у всѣхъ и прошу“...

Возвратившись въ Петербургъ въ 1865 году, Достоевскій былъ поглощенъ журнальной работой. У метафизика была несчастная страсть къ этой соблазнительной формѣ дѣятельности, и онъ потратилъ на нее лучшую часть своей жизни и таланта. Впродолженіи перваго періода онъ основалъ два листка для защиты убѣжденій, которыя, какъ казалось ему, онъ имѣлъ. Я приглашаю кого либо оформить эти идеи на практическомъ языкѣ. Занявъ мѣсто между либералами и славянофилами, даже ближе къ послѣднимъ; онъ взялъ за лозунгъ, подобно имъ, вмѣсто всякой программы извѣстный стихъ Тютчева:

Разсудкомъ не понять Россіи—
Повѣрить надобно въ нее.

Очень уважительное патріотическое вѣрованіе, но вѣрованіе мистическое, безъ опредѣленнаго ученія, ускользающее, по самой сущности своей отъ всякихъ объясненій и опроверженій. Нужно вѣровать въ нее или не вѣровать — вотъ и все. Заблужденіе славянофиловъ и состояло именно въ томъ, что впродолженіи двадцати-пяти лѣтъ они исписали цѣлую гору бумаги для того, чтобы доказать чувство. Иностранцу нечего дѣлать въ этихъ препирательствахъ, гдѣ предполагается предварительное посвященіе, откровеніе вѣры. Такимъ образомъ посторонній знаетъ напередъ, что можетъ ожидать его во всякомъ случаѣ, чтобы онъ ни сказалъ; если онъ пожелаетъ войти въ вопросъ, ему замѣтятъ, что онъ неспособенъ къ пониманію и что священные покровы очищаются только въ колѣнѣхъ левитовъ, если онъ каснется вопроса слегка, его заклеятъ презрѣніемъ и именемъ невѣжды.

Въ то особенно время, въ достопамятные годы освобожденія крестьянъ, мысль впала въ умоизступленіе. Мятель — жестокій вѣтеръ, вздымающій иногда непод-

вижные снѣга — заслоняетъ свѣтъ летучею пылью, замечаетъ пути и уничтожаетъ видъ на даль. Въ такой то тьмѣ летитъ поѣздъ, локомотивъ окружень облаками пара, сжатые силы, потрясая и сжигая, влекутъ его на всѣхъ парахъ къ неизвѣстной цѣли. Такова была тогдашняя Россія.

У Страхова, сотрудника Достоевскаго въ то время, я нахожу страницу, которую нужно непременно привести здѣсь, ибо ничто не можетъ яснѣе обрисовать то время и тѣхъ людей. „Вотъ при нашихъ обстоятельствахъ одинъ изъ нашихъ редакторовъ Иванъ Долгомостьевъ на моихъ глазахъ подвергался сумасшествію, за которымъ послѣдовала смерть. Онъ жилъ одинъ въ меблированныхъ комнатахъ. Въ началѣ декабря, при наступленіи жестокихъ морозовъ, онъ вдругъ является ко мнѣ и со слезами жалуется на нестерпимыя козни и преслѣдованія, которымъ онъ будто бы подвергается въ своей меблированной комнатѣ. Я предложилъ ему остаться у меня. Черезъ нѣсколько дней, когда я, около часу ночи, вернулъся домой, онъ, противъ обыкновенія, еще не спалъ и сталъ изъ своей комнаты говорить мнѣ что то, довольно странное, какъ и всѣ его рѣчи въ послѣднее время. Я настоятельно попросилъ его не разговаривать и спать, улегся самъ и заснулъ. Черезъ часъ или полтора меня разбудилъ какой то говоръ. Въ темнотѣ слушаю и слышу, что мой гость лежа говорить самъ съ собою. Разговоръ очевидно начать былъ шопотомъ, но становился съ каждою минутою громче и громче; наконецъ онъ сѣлъ на своей постели и все продолжалъ говорить. Я понялъ, что это полный бредъ сумасшествія. Что было дѣлать? Было слишкомъ поздно толкаться къ доктору или въ больницу; я рѣшился ждать разсвѣта. И вотъ въ продолженіи пяти или шести часовъ, лежа въ темнотѣ я слушалъ этотъ бредъ. Такъ какъ мнѣ извѣстны были всѣ мысли и всякій способъ выра-

женія моего пріятели, то для меня съ удивительною ясностью открылась тайна этого сумасшествія. Это былъ хаосъ давно знакомыхъ мнѣ словъ и мыслей; какъ будто вся душа несчастнаго Ивана Григорьевича, всѣ его мысли и чувства были изорваны въ клочки и эти клочки путались и перепутывались самымъ неожиданнымъ образомъ. Нѣчто подобное бываетъ съ нами, когда мы засыпаемъ и когда образы и слова, наполняющія нашъ умъ, приходятъ въ странныя, бессмысленныя сочетанія. Но во всемъ этомъ бредѣ была однако же руководящая мысль—цѣль найти новое направленіе нашей партіи. Читатель едва ли себѣ представить съ какимъ ужасомъ и съ какою жалостью я слушалъ этотъ бредъ; въ этихъ исковерканныхъ и разорванныхъ въ клочки мысляхъ отражались споры и разсужденія, которыя нѣсколько лѣтъ, днемъ и ночью занимали нашъ небольшой журнальный кружокъ.“

Такъ разбились нѣкоторые изъ умовъ, переполненныхъ надеждами. Въ другихъ разочарованіе образовало пустоту, господиномъ въ ней поселился нигилизмъ, логическій, роковой наслѣдникъ упавшаго энтузіазма. Онъ появился именно въ это время, съ той минуты онъ поглотилъ какъ политику, такъ и романъ. Достоевскій покидаетъ чисто артистическій идеалъ, освобождается изъ подъ вліянія Гоголя и посвящаетъ себя изученію новаго духа.

Съ 1865 года для нашего автора начинается рядъ печальныхъ годовъ. Второй журналъ былъ убитъ подъ его редакціей и оставилъ его раздавленнымъ долгами, какъ послѣдствіемъ предпріятія. Ударъ за ударомъ—онъ потерялъ и жену и брата Алексѣя, помогавшихъ ему въ работѣ. Скрываясь отъ кредиторовъ, онъ бѣжитъ за границу и влачитъ въ Германіи и Италіи самую несчастную жизнь. Онъ былъ боленъ, припадки падучей бѣлѣзны перерывали литературный трудъ, на родину

онъ возвращался только для того, чтобы получить сколько нибудь денегъ впередъ отъ издателей; онъ писалъ отчаянные письма о договорахъ, связывавшихъ его по рукамъ и ногамъ. Ко всему, что пришлось ему видѣть на западѣ онъ относился довольно равнодушно, только одно сильно его поразило, именно— смертная казнь, видѣнная имъ въ Лионѣ. Это зрѣлище напомнило ему Семеновскій плацъ, и онъ до сыта заставилъ рассказывать о немъ дѣйствующихъ лицъ своихъ будущихъ романовъ. И между тѣмъ онъ въ то время писалъ: „Не смотря на это все, мнѣ кажется, что я только что начинаю жить. Смѣшно, не правда-ли? Живучесть кошки!“ Въ самомъ дѣлѣ, въ мучительный промежутокъ отъ 1865 до 1871 года онъ написалъ три большихъ романа „Преступленіе и наказаніе“, „Идіотъ“ и „Бѣсы“.

Первый изъ нихъ отмѣчаетъ высшую степень таланта Достоевскаго. Переводъ его скоро появится въ Парижѣ, я съ любопытствомъ ожидаю сужденія нашей публики. Люди науки, посвятившіе себя наблюденію надъ человѣческой душой, съ интересомъ прочитаютъ наиболѣе глубокой психологической очеркъ преступленія, какой только былъ написанъ со временъ Макбета. Любопытные, вродѣ Перрена Дандена, для которыхъ пытка составляетъ все таки времяпрепровожденіе на часъ или два, найдутъ въ этой книгѣ кушанье по своему вкусу. Я думаю, что многіе будутъ приведены въ ужасъ и большая часть не въ состояніи будетъ кончить романа. Вообще говоря, мы беремъ за романъ, ища въ немъ удовольствія, а не болѣзни, а изученіе „Преступленія и Наказанія“ добровольно принятая на себя болѣзнь; послѣ него чувствуешь себя нравственно разбитымъ. Даже самое чтеніе его очень не легко для желudinъ и впечатлительныхъ натуръ. Всякая книга представляетъ изъ себя борьбу съ одной стороны автора, желающаго

внушить намъ какую-либо истину, представленіе или страхъ—съ другой читателя, защищающаго отъ впечатлѣнія посредствомъ равнодушія или разсудка.

Въ настоящемъ случаѣ могущество ужаса въ писательѣ далеко превосходитъ силу нервнаго сопротивленія средней организаци и послѣдняя сразу чувствуетъ себя побѣжденною, преданною въ жертву неопредѣленному томленію. Если я позволю себѣ говорить такъ утвердительно, такъ это потому, что въ Россіи я видѣлъ многочисленные примѣры неизмѣнныхъ послѣдствій чтенія этого романа. Мнѣ укажутъ, можетъ быть, на впечатлительность славянской природы, но во Франціи точно также, нѣкоторыя лица, приступавшія къ попыткѣ, удостовѣрили меня, что испытывали такое же тяжелое чувство. Гофманъ, Эдгаръ Поэ, Боделеръ и всѣ классики тревожнаго рода, которыхъ мы знали до сихъ поръ, не болѣе, какъ обманщики по сравненію съ Достоевскимъ. Въ ихъ представленіяхъ чувствуется, что литераторъ только выдерживаетъ роль; въ „Преступленія и Наказанія“ вы видите, что самъ авторъ, точно также какъ и мы, пораженъ ужасомъ передъ лицомъ, извлеченнымъ имъ изъ самаго себя.

Интрига романа очень проста. Человѣкъ замышляетъ преступленіе, мысль эта созрѣваетъ въ немъ, онъ ее осуществляетъ, защищается нѣкоторое время отъ розысковъ правосудія, наконецъ, доходитъ, до того, что самъ предаетъ себя—слѣдуетъ искупленіе. Одинъ только разъ русскій художникъ соблюлъ западный обычай—единство дѣйствія. Чисто психологическая драма лежитъ всецѣло въ борьбѣ человѣка съ его мыслью. Окружающія лица и дѣйствія имѣютъ цѣну только по мѣрѣ вліянія, какое они оказываютъ на рѣшенія преступника. Первая часть, въ которой обрисовано возникновеніе и разростаніе мысли, проведена съ такой вѣрностью и правдивостью анализа, что стоитъ выше всякой похвалы

Студентъ Раскольниковъ, нигилистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, очень неглупый, но безъ всякихъ правилъ, безъ разборчивости, подавленный бѣдностью и меланхолией, мечтаетъ о болѣе пріятной жизни. По возвращеніи отъ старухи-ростовщицы, гдѣ онъ заложилъ какую то вещь, ему приходитъ въ голову мысль, которой онъ сначала не придаетъ никакого значенія, воображеніе о томъ, что („Умный человѣкъ, владѣющій состояніемъ этой женщины, могъ бы достигнуть всего, для этого слѣдовало бы только устранить бесполезную и ничтожную старуху“). До сихъ поръ это не болѣе, какъ зародышъ мысли, проходившей по многимъ умамъ, хотя бы подъ влияніемъ лихорадочнаго бреда и въ очень извѣстной формѣ: а если бы убить мандарина?.. Такая мысль получаетъ жизнь только благодаря согласію воли. Согласіе это зарождается, и выростаетъ съ каждою страницей, преобладающая мысль дѣлается постоянною, всѣ печальныя сцены дѣйствительной жизни, окружающія Раскольникова, связываются въ умѣ его съ задуманнымъ проэктомъ, всѣ онѣ какою-то таинственною работою перерождаются, въ подстрекательство къ преступленію. Сила, подталкивающая этого человѣка, выставлена съ такою яркою выпуклостью, что мы видимъ ее, какъ живое дѣйствующее лицо въ драмѣ, какъ Судьбу въ древней греческой трагедіи. Она направляетъ руку преступника до той минуты, когда топоръ обрушивается надъ головами жертвъ.

Страшное дѣло совершилось и несчастный вступаетъ въ борьбу съ воспоминаніями, какъ прежде боролся онъ съ своимъ намѣреніемъ. Насквозь проникающій душу взглядъ писателя господствуетъ надъ этою второю частью. Благодаря неисправимому дѣйствию—уничтоженію человѣческаго существованія, — измѣнились всѣ отношенія убійцы къ міру. Міръ этотъ, который появляется отнынѣ передъ нимъ, какъ бы сквозь призракъ преступле-

нія, принялъ для него новый видъ и новое значеніе, исключая для виновнаго возможность мыслить и дѣйствовать на ряду съ другими, найти для себя устойчивое мѣсто въ жизни. Вся душа перевернута, между нею и жизнью постоянный разладъ. Это вовсе не угрызение совѣсти, въ общепринятомъ значеніи слова. Достоевскій старается какъ можно яснѣе выразить такой отѣнокъ. Благодѣтельное и восстанавливающее дѣйствіе угрызения совѣсти герой его испытаетъ только въ тотъ день, когда захочетъ принять искупленіе грѣха. До тѣхъ же поръ имъ овладѣваетъ сложное и извращенное чувство: досада на то, что онъ дурно воспользовался столь хорошо подготовленнымъ дѣломъ, возмущеніе противъ неожиданныхъ нравственныхъ послѣдствій, порожденныхъ его поступкомъ, стыдъ за свою слабость и подавленность, такъ какъ гордость составляетъ главную основу характера Раскольниковъ. Въ его жизни сохранился только одинъ интересъ—хитрить съ полиціей. Онъ ищетъ общества полицейскихъ, знакомства съ ними. Влеченіе, однородное съ тѣмъ, которое заставляетъ насъ заглядывать въ глубину пропасти, для того, чтобы испытать головокруженіе, притягиваетъ убійца къ друзьямъ его изъ полицейскаго участка, заставляетъ завязывать съ ними нескончаемые разговоры. Онъ доводитъ такія бесѣды до крайней точки, на которой одно послѣднее слово можетъ закончить его гибель, и мы ждемъ каждую минуту, что онъ произнесетъ это слово, но онъ ускользаетъ, и опять сладострастно продолжаетъ ужасную игру. Слѣдственный приставъ Порфирій разгадалъ тайну студента, онъ играетъ съ нимъ, какъ тигръ, находящійся въ веселомъ расположеніи духа и увѣренный, что зачарованная жертва не ускользнетъ отъ него. И Раскольниковъ знаетъ, что онъ угаданъ; въ продолженіи нѣсколькихъ главъ тянется фантастическій разговоръ между противниками, разговоръ двойной—одинъ на ус-

тахъ, добровольно улыбающихся и отрицающихъ, другой во взглядахъ, которые знаютъ и говорятъ все.

Наконецъ, когда авторъ достаточно измучилъ насъ, затягивая напряженное положеніе, онъ выдвигаетъ спасительное вліяніе, которое должно сокрушить гордость преступника и примирить его съ самимъ собою посредствомъ искупленія. Раскольниковъ любитъ бѣдную уличную дѣвушку. Но не заключите изъ этаго поспѣшнаго выраженія, что Достоевскій замѣсилъ свой сюжетъ на глупой закваскѣ, которая вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ тащится черезъ наши романы, т. е. что каторжникъ и проститутка любовью искупаютъ грѣхи другъ друга. Несмотря на сходство положеній, мы находимся здѣсь за тысячу верстъ отъ такой пошлой выдумки; изъ дальнѣйшаго развитія книги это быстро становится понятнымъ. Нужно было ясновидѣніе, чтобы угадать, что въ душевномъ состояніи, порожденномъ преступленіемъ, обыкновенное чувство любви должно было видоизмѣниться, какъ и всѣ другія, что оно переродилось въ мрачную безнадежность. Соня, смиренное созданіе, проданное голодомъ, почти не сознаетъ своего безчестія, она переноситъ его, какъ неизбежную болѣзнь. Могу ли я высказать тайную мысль автора, не рискуя возбудить недовѣрія къ такому излишеству мистицизма? Соня несетъ свой позоръ, какъ крестъ, безропотно и благочестиво. Она привязалась къ единственному человѣку, отнесшемуся къ ней безъ всякаго презрѣнія, она видитъ, что его мучитъ какая то тайна, пытается вырвать ее и, наконецъ, послѣ долгой борьбы у студента выскользаетъ признаніе. Я не такъ говорю, тайна не выдана ни однимъ словомъ; въ нѣмой сценѣ, представляющей собою верхъ трагизма, Соня видитъ, какъ въ глубинѣ взгляда ея друга проходитъ чудовищное явленіе. Несчастная дѣвушка, сраженная на мгновеніе, быстро находитъ: она знаетъ средство, и изъ ея сердца выле-

таетъ крикъ: „Надо пострадать, страдать вмѣстѣ... молиться, испустить... Идемъ на каторгу“!

И вотъ мы возвратились, на ту почву, куда Достоевскій возвращается постоянно, къ основному представленію христіанства въ русскомъ народѣ, — достоинству страданія самого по себѣ, въ особенности страданія, переносимаго вмѣстѣ, къ его исключительному свойству разрѣшать всякія затрудненія. Для того, чтобы объединить странныя отношенія этихъ двухъ лицъ, печальную и почти благоговѣйную связь между ними, совершенно не подходящую къ понятію, возбуждаемому словомъ любовь, для того, чтобы перевести любимое выраженіе автора, надо возстановить этимологическій смыслъ нашего слова „compassion“ (состраданіе), смыслъ, который придавалъ ему Боссюэтъ, т. е. страданіе черезъ другаго и вмѣстѣ съ другимъ. Когда Раскольниковъ падаетъ къ ногамъ этой дѣвушки, доставляющей пропитаніе семьѣ своимъ безчестіемъ, когда она, презираемая всѣми, ужасается и хочетъ поднять его, онъ говоритъ слова, составляющія средоточіе всѣхъ, разбираемыхъ нами сочиненій: „Я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился“.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что нашему романисту ни разу не удалось изобразить любовь, освобожденную отъ всѣхъ этихъ тонкостей, простое и естественное влеченіе двухъ сердець другъ къ другу. Ему извѣстны только крайности: или такое чисто духовное состояніе „состраданіе“ къ несчастному существу, преданность, лишенная желаній; или скотская страсть звѣря, сопровождаемая извращеніемъ природы. Изображаемые имъ влюбленные сотворены не изъ плоти и крови, а изъ слезъ и нервовъ.

Отсюда вытекаетъ почти необъяснимая особенность его твореній. Этого реалистъ, расточительный на щекотливыя сцены, на самые грубые рассказы, вкогда

не вызываетъ волнующихъ образовъ, онъ всегда только надрываетъ сердце. Я предлагаю найти во всѣхъ его сочиненіяхъ хотя одну строчку, возбуждающую чувственность, въ которой женщина появилась бы какъ искуссительница. Онъ показываетъ наготу только подъ хирургическимъ ножомъ, на ложѣ страданія. Взамѣнъ этого, и совершенно за предѣлами безукоризненно непорочныхъ сценъ любви, внимательный читатель найдетъ въ каждомъ романѣ двѣ или три страницы, въ которыхъ внезапно пробивается то, что Сент-Бевъ называлъ бы „une pointe de sadisme“ — Я все долженъ сказать, нужно отмѣтить всѣ противоположности этой исключительной натуры, неспособной держаться середины между ангеломъ и животнымъ.

Развязку можно предвидѣть. Наполовину побѣжденный нигилистъ бродитъ еще нѣкоторое время вокругъ полицейской конторы, какъ дикое, но покоренное животное медленными обходами возвращается подъ бичъ своего господина. Онъ признается, наконецъ, его осуждаютъ. Соня научаетъ его молиться и два погибшихъ созданія возстановляются посредствомъ общаго искупленія. Достоевскій сопровождаетъ ихъ въ Сибирь и радостно схватываетъ случай написать, вмѣсто эпилога, новую главу изъ „Мертваго Дома“.

Если бы даже вы удалили изъ разбираемаго романа душу главнаго дѣйствующаго лица, все таки въ душахъ другихъ, второстепенныхъ лицъ, оставалось бы довольно матеріала для мысли на цѣлые годы. Разсмотрите поближе хотя эти три фигуры: мелкаго чиновника Мармеладова, слѣдственнаго пристава Порфирія и въ особенности загадочнаго Свидригайлова, человѣка, который „долженъ былъ убить свою жену“ и котораго какъ бы магнитомъ притягиваетъ къ Роскольникову, для разговоровъ о преступленіяхъ. Я не буду приводить выписокъ, книга эта переведена и переводъ г. Дерели представ

ляетъ одинъ изъ очень рѣдкихъ переводовъ съ русскаго, которые не являлись бы мистификаціей. Но если между нашими романистами есть желающіе возвысить реальные приемы, не утративъ притомъ ничего изъ ихъ ѣдкости, то я укажу имъ на разсказъ Мармеладова, на описаніе похороннаго обѣда, и въ особенности на сцену убійства. Эту сцену, разъ прочитаешь, невозможно забыть никогда. Есть еще хуже: сцена, когда убійца, постоянно привлекаемый къ зловѣщему мѣсту, хочетъ возбудить въ себѣ представленіе о своемъ преступленіи; онъ приходитъ дернуть дребезжащій звонокъ старухиной квартиры, чтобы посредствомъ звука живѣе воскресить впечатлѣніе кровавой минуты.

Я долженъ, сверхъ того, повторить здѣсь то, что говорилъ ранѣе: по мѣрѣ того, какъ манера Достоевскаго выражается яснѣе, отдѣльныя части получаютъ меньшее и меньшее значеніе. Что въ особенности чрезвычайно любопытно, такъ это связанная изъ мельчайшихъ электрическихъ петель нить разсказа и разговоровъ, по которой чувствуешь, какъ пробѣгаетъ непрерывное таинственное содраганіе. Какое нибудь слово, на которое не обратили вниманія, какая нибудь мелкая подробность, занимающая одну строчку, отражаются черезъ пятьдесятъ страницъ. Ихъ надо вспомнить, чтобы объяснить себѣ видоизмѣненія души, гдѣ въ потемкахъ выросли зерна, занесенныя slučajемъ. Это настолько справедливо, что разъ перевернешь нѣсколько страницъ, продолженіе дѣлается непонятнымъ. Возмущаешься противъ многословности автора, хочешь перегнать его и тотчасъ же чувствуешь, что не понимаешь болѣе — магнетическій токъ перерванъ. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ передавали всѣ, кто дѣлалъ такую попытку. Гдѣ же наши превосходные романы, которые можно безразлично начинать съ того или другаго конца? Но русскій романистъ не даетъ отдыха, онъ утомляетъ, какъ кровныя лошади, находясь постоянно

въ движеніи. Прибавьте къ тому необходимость распознаться между цѣлой толпой лицъ, между коварными фигурами, пробѣгающими, какъ тѣни на заднемъ планѣ; а изъ всего слѣдуетъ, что отъ читателя требуется такое же усиліе вниманія и памяти, какой потребовалъ бы философскій трактатъ. Здѣсь неудобство или наслажденіе, смотря по разряду читателей. Кромѣ того, какъ бы хорошъ не былъ переводъ, онъ мало передаетъ это постоянное содраганіе, подкладку оригинальнаго текста.

Нельзя удержаться отъ сожалѣнія къ человѣку, написавшему подобную книгу, столь очевидно извлеченную имъ изъ самого себя. Чтобы понять, какъ онъ дошелъ до нея, нужно помнить, что онъ говорилъ одному изъ друзей о своемъ душевномъ состояніи наступавшемъ послѣ припадковъ: „Уныніе, въ которое они меня погружаютъ, выражается тѣмъ, что мнѣ кажется, будто какое то неизвѣстное преступленіе, какое-то подлое дѣло, лежатъ на моей совѣсти“. Отъ времени до времени журналъ, печатавшій романы Достоевскаго, появлялся съ нѣсколькими только страницами выходившаго произведенія, сопровождаемыми короткой извинительной замѣткой. Въ публикѣ уже было извѣстно, что у Федора Михайловича былъ припадокъ падучей болѣзни.

„Преступленіе и Наказаніе“ упрочило популярность писателя. Въ 1866 г. только и говорили объ этомъ литературномъ событіи; вся Россія была имъ больна. Вскорѣ послѣ появленія книги, одинъ студентъ въ Москвѣ убилъ ростовщика при обстоятельствахъ, совершенно сходныхъ съ измышленіями романиста. Можно было бы установить интересную статистику, прослѣдивъ въ многихъ подобныхъ покушеніяхъ, произведенныхъ послѣ того, часть вліянія этого романа. Въ намѣреніяхъ Достоевскаго, конечно, нельзя сомнѣваться, онъ надѣется отратить отъ подобныхъ поступковъ, рисуя картины душевныхъ мукъ, слѣдующихъ за ними. Но онъ не

предвидѣль, что чрезмѣрная сила его изображеній по-дѣйствуетъ въ противоположномъ смыслѣ, что она иску-ситъ демона подражанія, обитающаго въ лишенныхъ разума областяхъ мозга. Поэтому я сильно затрудняюсь высказать свое сужденіе о нравственномъ достоинствѣ книги. Наши писатели скажутъ, что я задаю себѣ лиш-ній трудъ, я знаю, они не признаютъ, чтобы этотъ элементъ принимался въ расчетъ при оцѣнкѣ произве-денія искусства, какъ будто что либо въ мірѣ можетъ существовать независимо отъ нравственного достоин-ства! Русскіе писатели менѣе высокомѣрны, они выска-зываютъ притязанія воспитывать души и самое большое оскорбленіе, какое имъ можно нанести—это сказать, что они набрали слова и не подчинивъ ихъ мысли. По-лезенъ или вреденъ романъ Достоевскаго можно разрѣ-шить потому—будемъ-ли мы признавать или отрицать полезность публичныхъ казней и судебныхъ засѣданій? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ одному порядку—для меня онъ разрѣшается отрицательно.

IV.

Въ „Преступленіи и Наказаніи“ талантъ закончилъ свой подъемъ. Онъ дастъ, правда, еще могучіе взмахи крыльевъ, но уже возвращаясь въ туманномъ кругу, среди все болѣе и болѣе омраченнаго неба, подобно громад-ной летучей мыши во время сумерекъ. Въ „Идіотѣ“, „Бѣсахъ“ и особенно въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, длинноты становятся невыносимыми, а дѣйствіе пред-ставляетъ не болѣе, какъ податливую вышивку, которая согласуется со всѣми теоріями автора, и въ которой онъ обрисовываетъ всѣ типы, встрѣченные имъ или созданные въ аду его фантазіи. Это похоже на *искуше-ніе св. Антонія*, выгравированное Калло. Читатель осаж-денъ толпою китайскихъ тѣней, вьющихся черезъ весь

разказъ; здѣсь все угрюмые, болтливые, любопытные. взрослые дѣти, занятые вѣчными разслѣдованіями въ чужихъ душахъ. Почти весь романъ проходитъ въ разговорахъ, гдѣ два дуэлиста въ области мысли, стараются съ лукавствомъ краснокожихъ вырвать тайны другъ у друга. По большей части дѣло идетъ о тайнѣ какого либо намѣренія, преступленія или любви и тогда эти разговоры напоминаютъ протоколы „допросной палаты“ при Иванѣ Грозномъ или Петрѣ I—такая здѣсь смѣсь ужаса, двоедушія и твердости, глубоко засѣвшихъ въ этомъ племени. Иногда противники усиливаются проникнуть путаницу своихъ философскихъ и религіозныхъ вѣрованій, они выступаютъ съ оружіемъ то странной, то тонкой діалектики, какъ два доктора схоластики изъ Сорбонны. Иныя изъ такихъ бесѣдъ напоминаютъ разговоры Гамлета съ его матерью, Офелією, Полоніемъ. Болѣе двухсотъ лѣтъ толкователи спорятъ о томъ, былъ ли Гамлетъ сумасшедшимъ или нѣтъ во время этихъ разговоровъ. Когда этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ, отвѣтъ на него можетъ быть приложенъ и къ героямъ Достоевскаго. Нерѣдко говорятъ, что писатель и его дѣйствующія лица, отражавшія его, были просто не въ своемъ умѣ. Это справедливо настолько же, насколько справедливо то отношеніе къ Гамлету.

Что касается до меня, я думаю, что слово „разумный“, плохое слово, его нужно предоставить очень простымъ умамъ, которые отказываются признать душевныя состоянія, отличныя отъ тѣхъ, какія извѣстны имъ по собственному опыту. Изучая Достоевскаго и его произведенія, надо помнить одну изъ его любимыхъ фразъ, не разъ попадавшую подъ его перо: „Россія, это—игра природы“. Странная аномалія представляется въ нѣкоторыхъ изъ лунатиковъ, описанныхъ романистомъ. Они сосредоточены въ своемъ внутреннемъ созерцаніи, горячо предаются разбору своихъ душевныхъ

движеній, и что же? если авторъ приказываетъ имъ дѣйствовать, они бросаются въ дѣйствіе по первому побужденію, покорные беспорядочному нервному порыву, безъ всякой узды и уравновѣшивающаго разума; можно сказать, что это воля, выпущенная на свободу, что это первобытныя силы.

Понаблюдайте физическія указанія до сыта воспроизведенныя въ рассказѣ. Они заставляютъ насъ угадывать тревоженія души по положенію тѣла. Когда намъ представляютъ какое либо лицо, это послѣднее почти никогда не сидитъ за столомъ, отдаваясь какому нибудь занятію. „Онъ растянулся на диванѣ, съ закрытыми глазами, но не спалъ. Онъ шелъ по улицѣ самъ не сознавая, гдѣ находился... Онъ стоялъ неподвижно, съ глазами, упорно устремленными на какую то точку въ пространствѣ“... Эти люди никогда не ѣдятъ, они пьютъ чай по ночамъ. Многіе изъ нихъ пьяницы. Спятъ они мало, а когда спятъ, видятъ сны; въ произведеніяхъ Достоевскаго найдется больше сновъ, чѣмъ во всей нашей классической литературѣ. Ихъ почти постоянно съѣдаетъ лихорадка, рѣдко перевернете вы двадцать страницъ не встрѣтивъ слова „лихорадочный“. Какъ только созданія эти начинаютъ дѣйствовать и входить въ сношенія съ подобными себѣ, вотъ какія указанія повторяются почти въ каждомъ періодѣ. „Онъ содрогнулся... Онъ вскочилъ однимъ прыжкомъ. . Лицо его передернулось... Онъ поблѣднѣлъ какъ воскъ... Нижняя губа его дрожала... Зубы его стучали“... Или еще, долгія нѣмыя сцены среди разговора: двое собесѣдниковъ пристально смотрятъ другъ на друга... Среди безчисленнаго персонала, изобрѣтеннаго Достоевскимъ, я не знаю ни одного человѣка, котораго не могъ бы, по тому или другому поводу, потребовать къ себѣ Шарко.

Характеръ наиболѣе обработанный писателемъ, любимое его дитя, одно наполняющее цѣлую большую

книгу—это „Идіотъ“. Въ ней Федоръ Михайловичъ обрисовалъ себя, какъ обыкновенно рисуютъ себя авторы, конечно не такимъ, каковъ онъ былъ, а какимъ желалъ бы себя видѣть. Прежде всего „Идіотъ“ подверженъ эпилепсiи—припадки его доставляютъ неожиданную развязку для всѣхъ волнующихъ сценъ и романистъ вволю наслаждался описаніемъ ихъ. Онъ утверждаетъ, что наплывъ безконечнаго восторга переполняетъ все существо въ продолженіи нѣсколькихъ мгновений, предшествующихъ припадку, мы можемъ повѣрить ему на слово. Прозвище „идіота“ упрочилось за княземъ Мышкинымъ, потому, что болѣзнь въ юности ослабила его способности и онъ навсегда остался страннымъ. Разъ приняты такія патологическія данныя, этотъ вымышленный характеръ развить съ удивительною настойчивостью и правдоподобіемъ. Сначала Достоевскій предполагалъ перенести въ современную жизнь типъ Донъ Кихота, идеальнаго исправителя зла, тамъ и сямъ очевидно замѣтна обработка именно этого образца. Но вскорѣ самъ увлеченный своимъ твореніемъ, онъ намѣтилъ болѣе высокую цѣль, онъ собираетъ въ душѣ, въ которой преклоняется передъ самимъ собой, самыя величественныя евангельскія черты, и отчаяннымъ усиленіемъ пытается возвеличить своего героя до нравственныхъ размѣровъ святости.

Представьте себѣ исключительное существо, которое по зрѣлости ума, по высокому разуму было бы взрослымъ человѣкомъ, оставаясь въ то же время ребенкомъ по простотѣ сердца; созданіе, которое, однимъ словомъ, осуществляетъ евангельское правило: „Будьте, какъ дѣти“. Таковъ и есть князь Мышкинъ, „Идіотъ“. Нервная болѣзнь, по счастливой случайности, взялась закончить такое исключительное твореніе: она уничтожила тѣ части разсудка, въ которыхъ обитаютъ наши недостатки—иронія, эгоизмъ, высокомеріе, нечистыя жела-

ня; благородныя стороны развились свободно. По выходѣ изъ больницы, этотъ необыкновенный человекъ брошенъ въ теченіе общей жизни, казалось бы, что онъ долженъ потонуть, такъ какъ у него нѣтъ для защиты носимаго нами подлага оружія. Вовсе нѣтъ. Его простая прямота оказывается сильнѣе всѣхъ хитростей, замышляемыхъ противъ него, она разрѣшаетъ всякія затрудненія, и побѣдоносно выходитъ изъ всѣхъ козней. За его наивной мудростью остается послѣднее слово въ преніяхъ, слово глубокаго аскетизма, какъ напримѣръ это, сказанное имъ умирающему: „Идите впередъ насъ и простите намъ наше счастье“. Въ другомъ мѣстѣ онъ скажетъ: „Я боюсь, что недостойнъ своего страданія“. И сотни другихъ, подобныхъ словъ. Онъ живетъ въ мірѣ ростовщиковъ, лжецовъ, мошенниковъ; люди эти относятся къ нему, какъ къ идиоту, но окружаютъ его уваженіемъ и почтеніемъ, они подчиняются его вліянію и становятся лучше. Женщины также сначала смѣются надъ идиотомъ, и всѣ кончаютъ любовью къ нему, онъ же отвѣчаетъ на ихъ обожаніе только нѣжнымъ сожалѣніемъ, любовью, „состраданія“, единственною любовью, которую Достоевскій дозволяетъ своимъ избранникамъ.

Писатель безпрестанно возвращается къ своей упорной мысли: превосходству страдающаго и простаго духомъ. Я хотѣлъ бы однако проникнуть эту мысль до самой глубины. Откуда это ожесточеніе всѣхъ русскихъ идеалистовъ противъ мысли, противъ полноты жизни? Вотъ въ чемъ, думаю я, тайная и бессознательная причина такого неразумія. Они инстинктивно чувствуютъ ту основную истину, что жить, дѣйствовать, мыслить, значитъ дѣлать безвыходное дѣло, смѣшанное изъ добра и зла. Кто живетъ, тотъ творитъ и разрушаетъ въ одно и тоже время, занимаетъ свое мѣсто насчетъ кого либо, или чего либо. Такимъ образомъ—не думать, не дѣй-

ствовать, значить упразднить это предопредѣленіе— производство зла наряду съ добромъ; а такъ какъ зло оказываетъ на нихъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ добро, то они и укрываются въ убѣжище нирвана (néant). Они восхищаются, возводятъ во святыя идіота, среднее, бездѣятельное существо. Такое существо, правда, не дѣлаетъ добра, но не творитъ и зла, слѣдовательно въ ихъ пессимистическомъ воззрѣніи на міръ, оно представляется лучшимъ.

Я пробѣгаю среди этихъ гигантовъ и чудовищъ, пристающихъ ко мнѣ, но какъ пройти молчаніемъ купца Рогожина, вполне дѣйствительную фигуру, одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ образовъ созданныхъ артистомъ. Двадцать страницъ, на которыхъ онъ показываетъ намъ мученія страсти въ сердцѣ этого чело-вѣка, написаны великимъ художникомъ. Страсть достигшая до подобной степени напряженія, одарена такимъ очаровывающимъ свойствомъ, что любимая женщина, помимо воли, съ увѣренностью, что будетъ убита, все таки приходитъ къ этому дикарю, котораго ненавидитъ. И онъ убиваетъ ее, а самъ, передъ постелью, на которой лежитъ зарѣзанная имъ женщина, цѣлую ночь спокойно разговариваетъ о философіи съ своимъ другомъ. Ни одной мелодраматической черты, сцена эта совершенно проста, по крайней мѣрѣ она кажется такой автору, и потому то именно она оледеняетъ насъ ужасомъ. Отмѣчу еще, такъ какъ рѣдко представляется случай ввести смѣхъ въ разборъ этихъ сочиненій, мелкаго, пьянаго ростовщика, который каждый вечеръ молится за упокой души графини Дюбарри. Не думайте, чтобы Достоевскій хотѣлъ позабавить насъ, нѣтъ, онъ вполне серьезно, высказываетъ, устами этого дѣйствующаго лица сожалѣніе о страданіяхъ графини Дюбарри во время долгаго переѣзда въ телѣгѣ на мѣсто казни и борьбы съ палачемъ. Постоянно все тоже воспоминаніе о получасѣ, проведенномъ 22 декабря 1849 г.

„Бѣсноватые“ представляютъ картину революціоннаго нигилистическаго міра. Я слегка измѣняю слишкомъ темное русское заглавіе „Бѣсы“. Романистъ ясно выражаетъ свою мысль, избравъ эпиграфомъ книги стихъ евангелія св. Луки объ изгнаніи бѣсовъ въ странѣ Гергесинской. Онъ обошелъ настоящее заглавіе, которое могло бы быть придано не этому одному, а всѣмъ его романамъ. Дѣйствующія лица Достоевскаго всѣ находятся въ состояніи бѣснованія, какъ повимали его въ средніе вѣка: посторонняя и непреодолимая воля толкаетъ ихъ, помимо ихъ самихъ, къ совершенію чудовищныхъ дѣлъ. Бѣсноватая и Наташа въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, бѣсноватый и Раскольниковъ въ „Преступленіи и Наказаніи“ и Рогожинъ въ „Идіотѣ“, бѣсноватые и всѣ эти заговорщики, убивающіе себя и другъ друга безъ опредѣленной причины и цѣли. Довольно любопытна исторія этого романа. Достоевскій никогда не сблизался съ Тургеневымъ, причиною того были частью политическія разногласія, а главное, увы! литературная зависть. Въ тѣ времена могущество Толстого еще не было установлено и двое романистовъ одни оспаривали другъ у друга власть надъ русскими умами. Неизбѣжное соперничество между ними у Федора Михайловича выродилось почти въ ненависть, вина была на его сторонѣ и онъ совершилъ поступокъ, не имѣющій названія, выставивъ своего собрата въ занимающей насъ книгѣ, подъ обрисовкой смѣхотворнаго лицедѣя.

Тайная, непрощаемая обида состояла въ томъ, что Тургеневъ первый угадалъ и заговорилъ о крупномъ современномъ явленіи, о нигилизмѣ и присвоилъ его себѣ въ знаменитомъ его романѣ „Отцы и Дѣти“. Но съ 1861 года нигилизмъ созрѣлъ, онъ готовъ былъ перейти отъ метафизики къ дѣйствіямъ, и Достоевскій въ отплату написалъ „Бѣсовъ“. Три года спустя Тургеневъ

принялъ вызовъ, напечатавъ „Новь“. Задача обоихъ романовъ одинакова—это описаніе революціоннаго заговора въ небольшомъ провинціальномъ городѣ. Если бы нужно было присуждать призы при такомъ ломаніи копій, я призналъ бы, что мягкій художникъ „Нови“ былъ побѣжденъ драматическимъ психологомъ, такъ какъ послѣдній яснѣе проникаетъ во всѣ изгибы этихъ искалѣченныхъ душъ. Сцена убійства Шатова передана съ такой дьявольской силой, къ какой Тургеневъ никогда и не приближался. Но въ послѣднемъ выводѣ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ произведеніи я вижу только прямое потомство Базарова. Всѣ эти нигилисты выродились изъ своего нетлѣннаго первообраза, циника „Отцовъ и Дѣтей“. Достоевскій чувствовалъ это и это то приводило его въ отчаяніе.

Несмотря на то значителенъ и его удѣлъ. Книга его является объясненіемъ и пророчествомъ. Она пророчество, потому что оъ 1871 году, когда закваска анархій еще скрывалась, ясновидящій рассказываетъ факты, до подробностей сходные съ тѣми, которые развернулись въ послѣдствіи на нашихъ глазахъ. Я присутствовалъ на процессахъ нигилистовъ и могу засвидѣтельствовать, что многіе изъ людей и покушеній, которые судились тамъ, были точнымъ воспроизведеніемъ людей и покушеній, заранѣе вымышленныхъ романистомъ. — Книга эта является объясненіемъ—если ее переведутъ. Западъ узнаетъ наконецъ истинныя данныя загадки, до сихъ поръ, кажется, неизвѣстныя ему, ибо онъ ищетъ ихъ въ политикѣ. Достоевскій указываетъ намъ различные отдѣлы умовъ, изъ которыхъ набирается секта. Сначала простякъ, вѣрующій навыворотъ, посвящающій свои способности къ религіозной ревности на служеніе атеизму. Нашъ авторъ обрисовываетъ его поразительными чертами. Извѣстно, что въ каждой русской комнатѣ, въ небольшомъ кіоскѣ, находятся изображенія святыхъ: „Подпо-

ручикъ выбросилъ изъ квартиры своей два образа и одинъ изъ нихъ изрубилъ топоромъ, въ своей же комнатѣ разложилъ на подставкахъ, въ видѣ трехъ налоевъ сочиненія: Фохта, Моешотта и Бюхнера и передъ каждымъ налоемъ зажигалъ восковыя церковныя свѣчи“. За простыми идутъ слабые, подвергающіеся притягательному свойству силы, и слѣдующіе за руководителями во всѣхъ оборотахъ машины. Затѣмъ логическіе писимисты, какъ инженеръ Кириловъ, которые убиваютъ себя вслѣдствіе нравственнаго безсилія къ жизни, и уступчивость которыхъ партія употребляетъ въ свою пользу. Человѣкъ безъ правилъ, рѣшившійся умереть, потому что не можетъ ихъ найти, онъ соглашается на то, чего отъ него требуютъ, какъ на обыкновенное время препровожденіе. Наконецъ худшіе „бѣсноватые“ тѣ, кто убиваетъ, чтобы протестовать противъ мірового порядка, котораго они не понимаютъ, чтобы дать новое, необыкновенное примѣненіе своей волѣ, чтобы насладиться внушаемымъ ими ужасомъ и насытить бѣшеное животное, сидящее въ нихъ.

Главная заслуга этой смутной, плохо построенной, часто смѣшной и переполненной апокалипсическими твореніями книги, состоитъ въ томъ, что, не смотря на все это, она оставляетъ въ насъ ясное сознаніе относительно того, въ чемъ заключается сила нигилистовъ. Сила эта находится не въ ученіи, котораго не существуетъ, не въ могуществѣ организаціи, страшно преувеличенномъ, она лежитъ единственно въ характерѣ нѣсколькихъ людей. Достоевскій думаетъ — и разоблаченія процессовъ подтверждаютъ его мысль, — что идеи заговорщиковъ почти ничтожны, что пресловутая организація сводится къ нѣсколькимъ мѣстнымъ сообществамъ, плохо спаяннымъ между собою, что всѣ призраки центральныхъ и исполнительныхъ комитетовъ, существуютъ единственно въ воображеніи посвященныхъ. Взамѣнъ того

онъ мощно, выпуклыми чертами, обрисовываетъ эту напряженную до крайности волю, души, выкованная изъ закаленной стали, а напротивъ нихъ выставляетъ боязливость и нерѣшительность власти, олицетворенной въ губернаторѣ фонъ-Лембке. Между такими двумя полюсами масса слабыхъ привлекается къ тому, кто обладаетъ сильнѣйшимъ магнитомъ.

Да, нужно безпрестанно повторять, что только характеры этихъ смѣльчаковъ, а не ихъ идеи оказываютъ вліяніе на русскій народъ, и проницательный взглядъ философа видитъ это яснѣе, чѣмъ цѣлая Россія. Люди становятся все болѣе и болѣе требовательными въ отношеніи мысли, болѣе и болѣе недоувѣрчивыми къ программамъ; и все рѣже и рѣже, съ каждымъ днемъ, встрѣчаются вѣрующіе въ безусловную силу доктрины. Увлекаетъ людей единственно характеръ, даже тогда, онъ устремляетъ свою энергію на зло, увлекаетъ потому, что обѣщаетъ руководство и обеспечиваетъ твердость управленія, первую потребность человѣческаго общества. Человѣкъ есть прирожденный рабъ всякой сильной воли, проходящей передъ нимъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ „Бѣсовъ“ и возвращенія Достоевскаго въ Россію начинается послѣдній періодъ его жизни съ 1871 по 1881 г. Періодъ этотъ былъ уже не такъ тяжелъ и мраченъ, какъ предшествовавшіе. Тутъ онъ вторично вступилъ въ бракъ съ умной и мужественной женщиной, которая помогла ему выбраться изъ матеріальныхъ затрудненій. Извѣстность его возрастала, успѣхъ его сочиненій позволялъ ему освободиться. Вновь захваченный демономъ журналистики, онъ былъ сначала сотрудникомъ одной петербургской газеты и кончилъ тѣмъ, что завелъ свой собственный листокъ, составляемый имъ самимъ — „Дневникъ писателя“, Это ежемѣсячное изданіе выходило... иногда. Оно не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, что мы называемъ газетою или

журналомъ. Еслибы въ Дельфахъ существовалъ вѣстникъ, обязанный заносить на свои страницы перемежающіяся предсказанія Пифіи, то это было бы нѣчто подобное. Въ такой то энциклопедіи, составлявшей крупное занятіе послѣднихъ его годовъ, Федоръ Михайловичъ изливалъ всѣ безпокоившія его политическія, общественныя и литературныя мнѣнія, рассказывалъ анекдоты и воспоминанія изъ своей жизни. Не знаю думалъ ли онъ о „Рѣчахъ вѣрующаго“ Ламенне, но часто онъ заставляетъ вспоминать о нихъ. Я говорилъ уже о его политическихъ мнѣніяхъ, это было непрерывное торжество вѣры въ судьбу Россіи, прославленіе ума и доброты русскаго народа. Такіе неясные гимны ускользають, какъ отъ разбора, такъ и отъ возраженій.

„Дневникъ писателя“, начатый наканунѣ войны съ Турціей, появлялся хотя отчасти правильно только до тѣхъ моръ, пока продолжалась эта патріотическая горячка и отражалъ въ себѣ всѣ приступы энтузіазма и унынія, потрясавшіе вооруженную Россію. Я не знаю чего нельзя найти въ этомъ складѣ славянскихъ мечтаній, гдѣ перебраны всѣ вопросы человѣчества. Одного только недостаетъ—это самаго состава ученія, за которое могъ бы зацѣпиться умъ. Тамъ и сямъ трогательные эпизоды, художественные рассказы—перлы, затерянные въ мутныхъ волнахъ,—напоминають великаго романиста. „Дневникъ писателя“ имѣлъ успѣхъ въ публикѣ особаго рода, которая интересовалась не мыслью, а скорѣе личностью, такъ сказать, звукомъ голоса Федора Михайловича. Отъ времени до времени онъ писалъ свой послѣдній романъ: „Братья Карамазовы“. Я недолго остановлюсь на этой книгѣ. По общему признанію, не многіе въ Россіи имѣли мужество дочитать до конца безконечную исторію, но однако среди неизвѣстныхъ отступленій и сквозь дымныя облака, можно различить нѣсколько поистинѣ этическихъ образовъ, нѣ-

сколько сценъ, достойныхъ занять мѣсто наряду съ лучшими его сценами, такова, напр. смерть ребенка.

Въ одной короткой главѣ исторіи литературы нельзя охватить цѣлое дѣло подобнаго труженика. Четырнадцать томовъ этихъ грозныхъ русскихъ in 8, каждый изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ тысячи страницъ нашихъ французскихъ изданій! Не бесполезно указать на такую подробность. Наружный видъ книги указываетъ на литературные нравы страны. Французскій романъ дѣлается день ото дня легче, проворнѣе укладывается въ дорожный мѣшокъ, ради нѣсколькихъ часовъ, проводимыхъ въ вагонѣ. Тяжелый русскій романъ готовится царить долгое время на семейномъ столѣ, въ деревнѣ, въ теченіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ. Онъ возбуждаетъ мысли, имѣющія связь съ понятіями о терпѣннн и вѣчности. — Я какъ бы вижу еще Федора Михайловича, когда онъ входилъ къ своимъ друзьямъ въ тотъ день, какъ вышли „Братья Карамазовы“, неся свои книги на рукахъ и съ гордостью восклицаетъ: „добрыхъ пять фунтовъ вѣсу!“ Несчастный! онъ свѣсилъ свой романъ и гордился тѣмъ, что должно бы привести его въ ужасъ. — Моя задача должна ограничиться привлеченіемъ вниманія на писателя, прославленнаго тамъ и почти неизвѣстнаго здѣсь, а также отмѣтить тѣ изъ его твореній, которыя лучше выясняютъ различныя стороны его таланта: „Бѣдные люди“, „Записки изъ Мертваго Дома“, „Преступленіе и наказаніе“.

Что же касается цѣлаго въ этихъ сочиненіяхъ, каждый можетъ произнести свое сужденіе на основаніи указаній, которыя я старался вывести. Если стать на точку зрѣнія нашей эстетики и нашихъ вкусовъ, то это сужденіе не легко формулировать. Надо разсматривать Достоевскаго, какъ явленіе изъ инаго міра, чудовище могущественное, но незавершенное, исключительное по самобытности и силѣ. По тому трепету, который чувству-

ешь, приближаясь къ нѣкоторымъ изъ его лицъ, невольно спрашиваешь себя не находишься ли въ присутствіи генія? но быстро вспоминаешь, что генія въ литературѣ не существуетъ безъ двухъ высшихъ даровъ—чувства мѣры и всеобщности. Безъ чувства мѣры т. е. безъ умѣнья покорить себѣ свои мысли, сдѣлать между ними выборъ и весь таящійся въ нихъ свѣтъ сжать въ нѣсколько молній. Безъ всеобщности, то есть способности видѣть жизнь во всей ея цѣлости, изображать ее во всѣхъ ея гармоническихъ проявленіяхъ. Міръ сотворенъ не изъ одного мрака и слезъ, въ немъ существуютъ даже и въ Россіи, и свѣтъ и веселье, цвѣты и радость. Достоевскій видѣлъ только вполонину, потому что писалъ два рода книгъ: печальныя и ужасныя. Онъ—путешественникъ, облетѣвшій всю вселенную и великолѣпно описавшій все, что онъ видѣлъ, но онъ путешествовалъ только ночью. Онъ несравненный психологъ, какъ только начинаетъ разбирать мрачныя или израненныя души, онъ искусный драматургъ, но только для сценъ ужаса или состраданія.

Никто не зашелъ въ реализмъ далѣе его: взгляните на разсказъ Мармеладова въ „Преступленіи и наказаніи“, на изображенія каторжниковъ и ихъ жизни. Никто не осмѣлился заглянуть глубже въ область химирического: рассмотрите всю личность „Идіота“. Онъ правдиво и грубо описываетъ житейскую дѣйствительность, но благочестивая мечта безпрестанно уноситъ его выше надъ этою дѣйствительностью, въ сверхчеловѣческомъ усиліи къ какому нибудь новому осуществленію евангельскаго завѣта. Назовемъ это, если хотите мистическимъ реализмомъ. Въ немъ, съ какой стороны не посмотрите, видна двойственная природа—сердце сестры милосердія и умъ великаго инквизитора. Я представляю его себѣ живущимъ въ иномъ вѣкѣ,—ни онъ самъ, ни герой его не принадлежатъ нашему времени, они зани-

мають мѣсто въ отдѣлѣ русскаго народа, изъятомъ изъ западнаго лѣтосчисления. Онъ болѣе подходитъ къ временамъ великаго самоотверженія и великой жестокости, колеблясь между св. Винцентомъ де Поль и Лабардемонь, опережая перваго въ розыскахъ покинутыхъ дѣтей и останавливаясь далѣе втораго, чтобы не потерять ни звука изъ треска костровъ. Смотря по тому, какое излишество его таланта болѣе затронетъ душу, его можно по справедливости назвать философомъ, апостоломъ, сумасшедшимъ, утѣшителемъ огорченныхъ или палачемъ спокойныхъ умовъ, Іереміей каторги или Шекспиромъ дома умалишенныхъ.— Всѣ эти названія будутъ заслужены, но, взятое въ отдѣльности, ни одно не будетъ достаточно.

Быть можетъ о немъ слѣдуетъ сказать, что онъ говорилъ въ „Преступленіи и Наказаніи“ о всей своей расѣ: „Русскій человѣкъ широкъ, какъ широка его земля, страшно склоненъ къ фантазіямъ и безпорядку—большое несчастіе широта безъ опредѣленнаго направленія“. Я согласенъ съ этимъ, но также соглашаюсь и съ слышаннымъ мною сужденіемъ о немъ одного изъ знаменитыхъ современныхъ психологовъ: „Этотъ человѣкъ открываетъ невѣдомые горизонты въ духовномъ мірѣ, совершенно отличномъ отъ нашего. Онъ показываетъ намъ новую вселенную, природы болѣе могучія, чѣмъ мы, въ добрѣ и злѣ, болѣе сильныя въ желаніяхъ и страданіи“.

V.

Да простятъ мнѣ, если и для исполненія настоящаго очерка, для того, чтобы воскресить человѣка и дать понятіе о его вліяніи, пребѣгну къ личнымъ воспоминаніямъ. Впродолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ жизни Федора Михайловича я имѣлъ случай часто встрѣчаться съ нимъ. Лицо его было похоже на главныя сцены

его романовъ—разъ увидѣвъ—невозможно было его забыть О! какъ подходилъ этотъ человѣкъ къ такимъ твореніямъ и такой жизни. Маленькій, сухощавый, весь составленный изъ нервъ, изношенный и согнутый тяжкими шестидесятью годами. Онъ скорѣе увялъ, чѣмъ состарился и имѣлъ со своей длинной бородой и все еще бѣлокурыми волосами, болѣзненный видъ, исключаящій возрастъ. Но не смотря на все, отъ него вѣяло „живучестью кошки“, какъ выразился онъ однажды. У него лицо русскаго крестьянина, настоящее лицо московскаго мужика: приплюснутый носъ, маленькіе, мигающіе глаза, блестящіе порою мрачнымъ, порою мягкимъ огнемъ, широкій изрытый выпуклостями и морщинами лобъ съ вдавленными, какъ бы молоткомъ, висками, и всѣ эти натянутыя, судоржныя черты опускались къ скорбно сложеннымъ губамъ. Я никогда не видалъ на человѣческомъ лицѣ подобнаго выраженія скопившихся страданій. Всѣ духовныя и физическія страданія положили на немъ свой отпечатокъ. Въ этомъ лицѣ, лучше чѣмъ въ книгѣ, можно было прочесть воспоминанія мертваго дома, долгія привычки страха, недовѣрія и мученичества. Рѣсницы, губы, всѣ жилки этого лица трепетали отъ нервныхъ страданій. Когда онъ одушевлялся гнѣвомъ надъ какой либо мыслью, можно было поклясться, что вы видѣли уже эту голову на скамьяхъ уголовного суда или между бродягами выпрашивающими подаенія у тюремныхъ дверей. Въ другія минуты она дышала печальнымъ благодушіемъ старинныхъ святыхъ, изображенныхъ на славянскихъ иконахъ. Въ этомъ человѣкѣ все принадлежало народу, начиная отъ невыразимаго смѣшенія грубости, тонкости и мягкости, часто встрѣчаемыхъ у великорусскихъ мужиковъ, кончая, я не знаю, какимъ-то тревожнымъ выраженіемъ, быть можетъ происходившимъ отъ сосредоточенія мысли на обликѣ пролетарія. Онъ отталкивалъ сначала, до той поры,

пока его странная притягательная сила не начинала дѣйствовать на васъ. Обыкновенно молчаливый, онъ начиналъ говорить всегда тихимъ, медленнымъ тономъ, постепенно одушевляясь, и, при защитѣ своихъ мнѣній, онъ не щадилъ уже никого. Ему случалось иногда, отстаивая любимое свое положеніе о превосходствѣ русскаго народа, говорить женщинамъ въ свѣтскихъ кружкахъ, куда его приглашали: „Вы не стоите послѣдняго изъ мужиковъ“. Литературныя пренія съ Достоевскимъ кончались быстро, — онъ заставилъ меня замолчать однимъ словомъ надменнаго соболѣзнованія: „Мы обладаемъ духомъ всѣхъ народовъ и кромѣ того русскимъ духомъ, слѣдовательно мы можемъ васъ понимать, а вы насъ не можете“. Да проститъ же мнѣ его память, я теперь пытаюсь доказать ему противное.

По несчастью для его мнѣній, онъ судилъ о дѣлахъ Запада съ забавной наивностью. Я всегда вспоминаю одну его выходку противъ Парижа, сдѣланную имъ однажды вечеромъ подъ вліяніемъ охватившаго его вдохновенія. Онъ говорилъ о Парижѣ, какъ Іона могъ говорить о Ниневіи, съ огнемъ библейскаго негодованія: „Когда нибудь ночью появится пророкъ и напишетъ на стѣнѣ три огненныхъ слова—это будетъ сигналомъ конца стараго міра и Парижъ падетъ, въ крови и пожарѣ, со всѣмъ, что составляетъ гордость его, со всѣми театрами и „Café Anglais...“. Въ воображеніи ясновидящаго это безобидное учрежденіе представлялось пупомъ Содома, вертепомъ адскихъ и завлекательныхъ оргій, которыя слѣдовало проклинать, чтобы не слишкомъ мечтать о нихъ. Онъ долго и очень краснорѣчиво предсказывалъ на эту тему.

Федоръ Михайловичъ часто заставлялъ меня думать о Жанъ-Жакѣ. Мнѣ казалось, что съ тѣхъ поръ какъ я свелъ знакомство съ мрачнымъ московскимъ филантропомъ, я познакомился съ нашимъ гениальнымъ пе-

дантомъ. Я находилъ въ обоихъ одно и тоже настроеніе, одну и ту же смѣсь грубоватости и идеализма, дикости и чувствительности, одинаковую глубину неизмѣримаго человѣческаго сочувствія, которое закрѣпило за каждымъ изъ нихъ вліяніе на ихъ современниковъ. Послѣ Руссо никто кромѣ Достоевскаго не заходилъ такъ далеко въ недостаткахъ человѣка, посвятившаго себя писательству, въ отчаянномъ самолюбіи, обидчивости, зависти и злопамятности, но никто также не сумѣлъ сильнѣе захватить большинство людей, раскрывая предъ ними сердце, всецѣло полное ими. Этотъ писатель, столь непріятный въ общественныхъ сношеніяхъ, сдѣлался идоломъ большей части русской молодежи, она не только лихорадочно ожидала его романовъ, его журналовъ, но она обращалась къ нему, какъ къ духовному руководителю, требуя отъ него добраго слова, помощи въ духовныхъ скорбяхъ. Въ послѣдніе годы главный трудъ Федора Михайловича состоялъ въ отвѣтахъ на груды писемъ, которыя приносили ему отголоски невѣдомыхъ страданій.

Нужно было жить въ Россіи въ теченіи этихъ смутныхъ годовъ, чтобы понять вліяніе, какое онъ имѣлъ на міръ „бѣдныхъ людей“, отыскивающихъ новые идеалы, на классы, не составляющіе болѣе народа, но не дошедшіе еще до буржуазіи. Литературное и артистическое обаяніе Тургенева подверглось совершенно несправедливому затмѣнію, философское вліяніе Толстого дѣйствовало только на умы, Достоевскій овладѣлъ сердцами и его доля въ руководительствѣ современнымъ движеніемъ, быть можетъ, наиболѣе могущественна. Въ 1880 году, на открытіи памятника Пушкину, когда русская литература держала великія засѣданія, популярность нашего романиста подавила собою популярность всѣхъ его соперниковъ. Когда онъ говорилъ, слышались рыданія, его понесли съ триумфомъ на рукахъ, студенты

взяли приступомъ эстраду, чтобы ближе видѣть, чтобы прикоснуться къ нему, и одинъ изъ молодыхъ людей, приблизившись къ нему, упалъ въ обмарокъ. Теченіе подняло его такъ высоко, что положеніе его, еслибы онъ прожилъ долѣе, могло сдѣлаться затруднительнымъ. Не смотря на то, что мнѣ непріятно заканчивать и безъ того уже мрачную главу, я все таки долженъ рассказать объ этомъ апотеозѣ, я долженъ отмѣтить здѣсь впечатлѣніе произведенное тогда на всѣхъ насъ. Такая картина, лучше чѣмъ долгая критика, дастъ понятіе о томъ, чѣмъ былъ этотъ человѣкъ для своей страны.

10 февраля 1881 года друзья Достоевскаго сообщили мнѣ, что онъ, послѣ недолгой болѣзни, скончался наканунѣ. Мы отправились къ нему въ домъ, съ цѣлью присутствовать при богослуженіи, которое русская церковь, дважды въ день, отправляетъ надъ останками своихъ сыновъ, съ той минуты какъ они закроютъ глаза и до момента погребенія. Федоръ Михайловичъ жилъ въ Кузнецкомъ переулкѣ, въ населенной мѣстности Петербурга. Мы увидали тѣсную толпу передъ дверью дома и на ступеняхъ лѣстницы; съ большимъ трудомъ мы пробили себѣ дорогу до рабочаго кабинета, гдѣ писатель вкушалъ свое первое отдохновеніе. Это была скромная комната, усѣянная беспорядочно сложенными бумагами и наполненная посѣтителями, смѣнявшимися вокругъ гроба.

Онъ лежалъ на небольшомъ столѣ въ единственномъ углу комнаты, остоявшемся свободнымъ отъ толпы незнакомцевъ. Въ первый разъ я увидалъ покой въ этихъ чертахъ, освобожденныхъ отъ покрова страданія. Лицо сохраняло выраженіе безпечальной мысли, и казалось наконецъ счастливымъ въ благотворномъ снѣ, подъ массою набросанныхъ розъ, которыя быстро исчезли, расхватанныя толпою. Новыя волны людей прибывали съ каждою минутою; плачущія женщины, шум-

ливые и желающіе все видѣть мужчины, давили другъ друга въ крутомъ водоворотѣ. Удушающая температура царила въ комнатѣ, герметически закрытой, какъ и всѣ русскія комнаты зимою. Вдругъ, вслѣдствіе недостатка воздуха, пламя многочисленныхъ свѣчей, окружавшихъ гробъ заколебалось и погасло, оставался только невѣрный свѣтъ лампы, горѣвшей передъ иконами. Въ эту минуту, благодаря темнотѣ, новый сильный наплывъ поднялся съ лѣстницы, принося новую волну народа, казалось, что снизу поднимается вся улица. Первые ряды были отброшены на гробъ, онъ наклонился. Несчастливая вдова, стоявшая съ двумя своими дѣтьми, между столомъ и стѣною, бросилась поддержать тѣло мужа, испуская крикъ ужаса. Впродолженіи нѣсколькихъ мгновеній мы думали, что покойникъ будетъ сброшенъ подъ ноги, онъ закачался, колеблемый человѣческою волною, горячею и грубою любовью ринувшеюся съ низу вверхъ, на его останки.

Въ эту минуту передо мной промелькнули въ быстромъ видѣніи всѣ творенія этого человѣка, со всей ихъ жестокостью, ужасомъ, нѣжностью, съ его точнымъ отношеніемъ къ міру, который хотѣлъ онъ описать. Всѣ эти неизвѣстные люди приняли для меня близко знакомыя имена и лица; вымыселъ показалъ мнѣ ихъ въ книгѣ, дѣйствительная жизнь возвращала ихъ, дѣйствующихъ точно также, въ подобной же страшной сценѣ. Личности, созданныя Достоевскимъ пришли мучить его даже послѣ конца, они принесли ему свое неловкое и суровое сожалѣніе, не заботясь о томъ, что могутъ осквернить самый предметъ своего сожалѣнія. Именно такое то грубое чествованіе и понравилось бы ему.

Два дня спустя мы вновь видѣли это видѣніе, но только въ болѣе широкихъ и полныхъ размѣрахъ. День 12 февраля 1881 года остался памятнымъ въ Россіи. Исключая быть можетъ смерти Скобелева, въ этой стра-

нѣ не видано было болѣе внушительнаго, болѣе знаменательнаго погребенія. Я затруднился бы сказать, чьи похороны были прекраснѣе—героя ли русскаго дѣйствія или героя русской мысли. Начиная съ утра, все населеніе города высыпало на Невскій проспектъ. Сотни тысячъ людей составили ограду по окраинѣ долгаго пути, который должно было пройти шествіе до Александро-Невскаго монастыря. Участвовавшихъ въ процессіи насчитывали болѣе двадцати тысячъ человѣкъ.

Кто видѣлъ это шествіе, видѣлъ эту страну противорѣчій со всѣхъ ея сторонъ. Тутъ были священники, многочисленное духовенство съ пѣніемъ молитвъ, студенты университета, малыя дѣти изъ гимназій, дѣвицы изъ медицинскихъ школъ, нигилисты обоюго пола, легко узнаваемы по особенностямъ одежды и манеръ—пледъ черезъ плечо у мужчинъ, очки и стриженные волосы у женщинъ. Тамъ присутствовали всѣ литературныя и ученые общества, депутаціи изъ всѣхъ мѣстъ имперіи, старые московскіе купцы, крестьяне въ тулупахъ, лакеи и нищіе. Въ церкви ожидали государственные сановники, министръ народнаго просвѣщенія и молодые Великіе Князья Императорской фамиліи. Цѣлый лѣсъ хоругвей и вѣнковъ поднимался надъ этой движущейся арміей и по мѣрѣ того, какъ проходили мимо разные отрѣзки Россіи, можно было различать кроткія или зловѣщія лица, слезы, молитвы, насмѣшливый хохоть, сосредоточенное или суровое молчаніе. Въ зрителяхъ смѣнялись подвижныя впечатлѣнія. Каждый судилъ по тому, что онъ видѣлъ въ данную минуту, и казалось, что видишь прославленіе народнаго генія, печаль всего народа. Но каждое изъ такихъ сужденій было неполно. То, что проходило тогда передъ глазами, было все одно и тоже грозное и тревожное дѣло этого человѣка, во всемъ его величій и безуміи. Въ первыхъ рядахъ—я, безъ сомнѣнія, въ большемъ числѣ, или излюбленные

имъ „бѣдные люди“, „униженные“, „оскорбленные“, даже сами „бѣсноватые“, всѣ бѣдствующіе, осчастливленные тѣмъ, что праздникъ, теперь на ихъ улицѣ и могутъ проводить своего заступника по дорогѣ славы. Но вокругъ ихъ и поглащая ихъ двигалась вся неясность и смута народной жизни, въ томъ видѣ, какъ онъ описалъ ее, всѣ неопредѣленные надежды, которыя онъ поднималъ въ другихъ.

Толпа скучилась въ маленькой, переполненной цвѣтами, церкви Лавры и на окружающемъ ее кладбищѣ, засаженномъ березами. Смѣшеніе партій и общественныхъ условій завершилось безурядицей рѣчей. Въ церкви архимандритъ говорилъ о Богѣ и вѣчныхъ упованіяхъ, другіе взяли мертвое тѣло и понесли его къ могилѣ, чтобы говорить тамъ о славѣ. Официальные говоруны, студенты, славянофильскіе и либеральные комитеты, поэты и литераторы, каждый являлся объяснить свой идеалъ, сослаться въ свою пользу на отходящій умъ и, по обычаю, послужить на этой могилѣ своему честолюбію. Въ то время какъ февральскій вѣтеръ уносилъ прочь все это краснорѣчіе вмѣстѣ съ засохшими листьями и поднятой лопатами снѣжной пылью, я старался по всей справедливости безпристрастно оцѣнить нравственное достоинство человѣка и его дѣла. Я былъ въ такомъ же затрудненіи, какъ и тогда, когда долженъ былъ высказать его литературную оцѣнку. Онъ излилъ на этотъ народъ и возбудилъ въ немъ сожалѣніе и даже благочестіе, но цѣною какихъ же излишествъ мысли, какихъ нравственныхъ потрясеній! Онъ бросилъ толпѣ свое сердце,—это было прекрасно,—но онъ не послалъ впередъ суроваго и необходимаго спутника сердца—разума.

Я долго колебался бы въ своемъ сужденіи, если бы передо мной не возстала внезапно вся эта жизнь, зародившаяся въ больницѣ, захваченная съ самаго начала нищитою, болѣзнию и горемъ, продолжавшаяся въ Си-

бири, на каторгѣ, въ казармахъ, загнанная затѣмъ на всѣхъ путяхъ матеріальными и нравственными бѣдствіями, постоянно подавленная и постоянно облагороженная искупающимъ трудомъ. Я понялъ тогда, что эта преслѣдуемая душа ускользаетъ отъ нашего измѣренія, измѣренія фальшиваго, потому что оно вездѣ одно и тоже. Я предоставилъ приговоръ тому, у кого столько же разныхъ вѣсовъ, сколько разныхъ сердець, столько сужденій сколько жизненныхъ удѣловъ. И когда я преклонился надъ этимъ достигнутымъ посредствомъ такого труда пристанищемъ изъ грязи, для того, чтобы въ свою очередь бросить кусокъ снѣга на нагроможденные лавровые вѣнки, я не нашелъ другаго слова прощанія, какъ слова студента, обращенныя къ бѣдной дѣвушкѣ, слова заключающія въ себѣ всѣ вѣрованія Достоевскаго, рѣчь, которая должна возвратиться къ нему самому: „Не тебѣ я кланяюсь, я преклоняюсь передъ всѣмъ страданіемъ человѣческимъ“.